

629.78
P838

Н. В. РУЗАНОВА

**ЮНОСТЬ
КОСМОНАВТА**

УВАЖАЕМЫЙ ТОВАРИЩ!

После просмотра источника информации (книги, журналы и т. д.) зачеркните очередную цифру.

1 2 3 4 5 6 7 8 9
10 11 12 13 14 15 16
17 18 19 20 21 22 23
24 25 26 27 28 29 30

Зак. 1187

14876 бр

629,78
Р 838

Н. В. РУЗАНОВА

ЮНОСТЬ КОСМОНАВТА

(-)

Очерки

14876 ДР
1986

**МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОСААФ СССР
1986**

НТБ 2/4 Г-4149

ББК 39.6
Р82

Рецензент — Ребров М. Ф.

Рузанова Н. В.
Р82 Юность космонавта: Очерки.— М.: ДОСААФ,
1986.— 64 с.

10 к.

«Для становления личности Гагарина решающее значение имеют 1951—1955 годы,— считал Герой Советского Союза Н. П. Каманин.— Техникум не только дал Гагарину специальное образование, но резко поднял его духовное и физическое развитие».

О годах учебы Ю. А. Гагарина в Саратовском индустриально-педагогическом техникуме, о комсомольской юности первого космонавта планеты рассказывает его учительница.

Для массового читателя.

Р 4702010200—062
072{02}—86 70—86

ББК 39.6
36.7

Массово-политическое издание

Нина Васильевна Рузанова

ЮНОСТЬ КОСМОНАВТА

Заведующий редакцией И. Д. Носков. Редактор Т. А. Соколова. Художественный редактор Н. Д. Михайлин. Художник Б. М. Рябышев. Технический редактор Л. А. Ворон. Корректор Н. В. Елкина.
ИБ № 2028

Сдано в набор 04.11.85 г. Подписано в печать 12.03.86 г. Г—93660. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типогр. № 1. Гарнитура журн. рубл. Печать высокая. Усл. п. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 3,68. Уч.-изд. л. 3,18. Тираж 100 000. Заказ 5—693. Цена 10 к. Изд. № 1/а-208. Ордена «Знак Почета» Издательство ДОСААФ СССР, 129110, Москва, Олимпийский просп., 22. Киевская книжная фабрика, 252054, Киев-54, ул. Воровского, 24.

© Издательство ДОСААФ СССР, 1986

Юность мечтает о полетах к дальним планетам. Но как проложить дорогу к звездам, какой «пароль» в космонавты? Этот вопрос задают себе многие. Задавал его и Юрий Гагарин. Задавал и я, как, впрочем, и каждый, кто уже прошел испытание космосом. Ответ приходил не сразу.

Сегодня я вправе утверждать: человек может сделать себя и смелым, и здоровым, и умным, а это важно не только в авиации и космонавтике, это важно в любой земной работе для полного самоутверждения. Но все это приходит не вдруг и не сразу. Во многом нам помогают те, кто, встретившись на жизненном пути, дарит знания, умение ценить красивое и возвышенное в человеке, кто отдает частицу своего сердца и опыта и радуется нашим успехам. Таких людей каждому довелось встретить немало.

В книге Юрия Гагарина «Дорога в космос» есть строки: «Литературу преподавала нам Нина Васильевна Рузанова, внимательный, заботливый педагог, влюбленный в свой предмет...»

И вот учительница Космонавта-1 написала книгу о своем легендарном ученике. Читая ее, я невольно возвращался в свою юность, вспоминал былое, находил какие-то параллели в наших судьбах. Разница в возрасте — семь лет — не столь уж велика, хотя, быть может, в чем-то она и сказалась.

Люди моего поколения, вступившие в самостоятельную жизнь в грозную пору Великой Отечественной войны, знают цену слов «исполнение мечты». Вероятно, молодые читатели относят нас к тем своим современникам, чьи мечты о небе исполнились в полной мере. Ведь если авиация — взлет человека над землей, то

космонавтика — взлет самой авиации за пределы земного притяжения. О чём еще можно мечтать... И этот вопрос, полагаю, закономерен.

Самыми дерзкими, высокими и чистыми мечтами были полны тридцатые и сороковые годы, когда мы были мальчишками. Бредили морем, покорением гор и пустынь, ну а я представлял себя летчиком. В доме у нас висел плакат: «Комсомолец — на самолет!».

Да что там комсомольцы — семилетним мальчишкой я с завистью смотрел, как мой отец Александр Борисович, уважаемый паровозный машинист, во время семейных прогулок по парку культуры выстаивал длиннющую очередь, чтобы прыгнуть с двадцатипятиметровой парашютной вышки.

Моим любимым героем был Валерий Чкалов, его мечта облететь без посадки «вокруг шарика» вызывала восторг и энтузиазм. Казалось, до этого рукой подать. Как не благодарить судьбу за то, что спустя годы довелось быть причастным к реальному исполнению этой мечты. А первые летчики — Герои Советского Союза! С какой гордостью произносили мы их имена! Сказал бы кто, что через три десятилетия один из легендарных героев челюскинской эпопеи Николай Петрович Каманин будет выводить Гагарина и всех нас, летчиков-космонавтов, на новые орбиты, станет нашим первым наставником, поневоле поверил бы в чудеса.

Словом, будущее виделось прекрасным и волнующим. Но 22 июня 1941 года мы столкнулись с разрушением мечты. Сорок пять лет прошло, и народная память все ярче освещает ту пору с невиданным героизмом и невиданными в истории жертвами. Юрию Гагарину было тогда семь лет, а я уже поступил в спецшколу ВВС, эвакуированную в Караганду. Днем мы проходили курс общеобразовательной средней школы, изучали основы авиации, конструкции машин, вечерами работали на шахте, разгружали вагоны, а мыслями были, конечно, там, где показывали высший боевой пилотаж Александр

Покрышкин и Иван Кожедуб, Виктор Талалихин... Они же были и кумирами Гагарина.

У него была своя дорога в небо. Но «своя» еще не означает — в корне отличная от других.

Саратовский период — особый в жизни Юрия Алексеевича. В городе на Волге его избрали членом бюро комсомольской организации, здесь он был секретарем местного спортивного общества «Трудовые резервы», работал физруком в пионерском лагере, впервые познакомился с трудами К. Э. Циолковского («Циолковский перевернул мне всю душу»), сделал первый шаг в небо...

«Занятия в техникуме шли своим чередом, — писал впоследствии Гагарин. — Но стоило услышать гул пролетающего самолета, встретить летчика на улице, и как-то сразу на душе становилось теплее. Это была все та же, еще не осознанная тяга в воздух. Я знал, что в Саратове есть аэроклуб. Среди ребят о нем шла добрая слава. Но чтобы поступить туда, надо было иметь среднее образование. Чувство, обуревавшее меня, волновало также и Виктора Порохню и Женю Стешина — тоже студентов нашего техникума. Как-то прибегает Виктор и возбужденно кричит:

— Ребята, отличная новость! В аэроклуб принимают четверокурсников техникумов...

В тот же вечер втроем мы отправились в аэроклуб. Мы подали заявления, прошли все комиссии и начали заниматься... Дорога на аэродром, к самолетам, оказалась куда длиннее, чем мы представляли».

Так авиация становилась смыслом и содержанием всей нашей жизни. Авиация — юность, авиация — мечта, авиация — самоотверженная защита мечты от фашистской чумы, авиация — будущее... Вплоть до космического. Свой первый самостоятельный вылет мы совершили в разные годы, но ощущение гордости было одинаково. В апреле 1961 года Юрий Гагарин первым из землян стартовал в космос на легендарном «Востоке», а в январе 69-го мне до-

велось пилотировать «Союз-4» и делать первую в мировой космонавтике стыковку пилотируемых кораблей.

Меня часто спрашивают: так вправе ли сейчас каждый молодой летчик в глубине души думать о космонавтике? И в какой степени летчик-космонавт остается сегодня именно летчиком, авиатором?

«Он всех вас позвал в космос» — к этим словам о Юрии Гагарине может и сегодня, и завтра присоединиться каждый молодой летчик. Да иначе и быть не может — современная авиация по техническому уровню, по требованиям к физической и морально-психологической подготовке человека, по характеру и напряжению операторской работы наиболее приближена к космонавтике. Именно летная подготовка обязательно входит в общий курс подготовки космической. Все без исключения космонавты летают, и много летают, на самых современных летных машинах. И прежде чем стать летчиком-космонавтом, многие становятся летчиками-испытателями, оканчивают школу испытателей, осваивают новые самолеты, получают дипломы. Мы убедились, что именно качества летчика-испытателя дают отличные навыки в освоении новой техники, учат быстро и правильно реагировать на ее поведение, предвидеть ее поступки.

Собственно, иначе и быть не могло — никакой летчик не перенесет «отлучение» от штурвала, если он сохраняет полную летную форму. И часто первые просьбы космонавта после орбитального полета — разрешить полет «земной». Начал эту традицию Юрий Гагарин, сев в кабину Ил-18 при возвращении в Москву. Мне довелось вести вертолет с места собственной посадки. Продолжает летать на самолетах Игорь Волк, тоже, кстати, воспитанник аэроклуба.

Годы брали свое, а приобретенный опыт давал право на новую работу. Юрий Гагарин стал заместителем начальника Центра подготовки космонавтов, готовился к новому полету на ко-

рабле «Союз». Несколько позже мне довелось занять должность руководителя подготовки космонавтов.

За это время советская космонавтика уверенно шагнула вперед. Полеты орбитальных станций, многомесячные командировки экипажей для работы на них, уникальные монтажные операции и технологические эксперименты в открытом космосе, огромный успех программы «Интеркосмос»...

Изменилось ли что-то в отборе кандидатов в космический отряд по сравнению с его первыми днями, в самой подготовке космонавтов? Конечно же изменилось многое. И это естественно. Но день настоящий не оторвать от прошлого, от того, чему учил нас Н. П. Каманин, что пришлось пройти и Юрию Гагарину, и всем тем, кто входил в первый (его называют гагаринский) отряд космонавтов.

К Николаю Петровичу Каманину у меня и сегодня чисто лейтенантское восторженное чувство. Но как тут не вспомнить, что время быстротечно,— вот уже я сам занимаюсь той работой, которой занимался он, встречая у порога Звездного городка наш набор. В него входили Георгий Добровольский, Лев Демин, Юрий Артюхин, Алексей Губарев, Анатолий Филипченко, Виталий Жолобов... В этом составе мы и познакомились с улыбочивым молодым майором, который сразу легко и просто сказал: «Что, соколики, дрожите?». С Юрием Гагариным.

Сегодня на смену нам приходит новое поколение космонавтов. Чем они занимаются? Летная практика, реальная испытательная работа, изучение космической техники, участие в управлении полетами, медико-биологическая подготовка... Вообще умение ждать, верить, любить свое дело — необходимые для космонавта качества. Каждый по-своему переживает этот неизбежный период. Многие увлекаются научной, изобретательской работой, готовят диссертации. Вы знаете, например, что экипажи, испытывавшие «Союз Т», вместе с конструкто-

рами прошли весь путь создания нового корабля — от первых эскизов до полета. Поэтому так блестяще завершился этап орбитальных испытаний.

Конечно, совершенствуются методы подготовки и космическая техника, задачи наши усложняются. Ведь в начале пути не надо было готовить экипажи к многомесячной работе в невесомости, делать космонавта человеком «ста профессий». Но главные принципы отбора и подготовки сохраняются. Динамика перегрузок, общий напряженный фон операторской работы требуют и первоклассного здоровья, и морально-волевой устойчивости, и любви к технике, и огромного личного мужества.

Хочу сказать, что умение ждать особенно было свойственно начальному этапу, когда профессия космонавта еще не стала массовой. А что ждет ее впереди? Можно ли надеяться на такой же массовый призыв в космонавты, как некогда в авиацию?..

Освоение космоса сулит человечеству, по словам гениального Циолковского, «горы хлеба и бездну могущества». А такой урожай не снимешь десятью или даже сотней пар рук. Можно ожидать, что к концу нашего тысячелетия «население» космоса, возможно, будет насчитывать уже сотни косможителей. И если проводить аналогию с Братской ГЭС и КамАЗом, БАМом и «Атоммашем», то мы услышим и об ударных космических стройках. И первая из них по праву называлась бы «Комсомольск-на-орбите».

Эти «эфирные поселения» потребуют специалистов множества профессий. Уже сейчас в космических командировках бывали кроме летчиков врач, инженеры-конструкторы разных профилей; даже человек, окончивший лесотехнический институт, оказался космическим работником, притом с рекордной общей длительностью полета — почти год. Я говорю о Валерии Рюмине.

Подтверждение сказанному и работа «Маяков» — Леонида Кизима, Владимира Соловь-

ева и Олега Атькова, экипажа «Памиров» — Владимира Джанибекова, Светланы Савицкой и Игоря Волка. А впереди такие же серьезные и длительные командировки биологов, астрофизиков, химиков-фармацевтов, и полимерщиков, металлургов, энергетиков, монтажников, геологов, океанологов... Словом, все, что сейчас совмещает в себе космонавт, выльется в работу многих самостоятельных специалистов.

Но по примеру авиации, я полагаю, на любое обозримое будущее нам будет необходим космонавт-пилот, космонавт-инженер, выполняющий все операции по доставке людей и грузов на заданные орбиты или планеты, где развернутся эти стройки. Тот, кто поведет в полет космический корабль в составе уже космического флота.

И это не просто мечты, хотя с них все и начинается. Наверное, с виду каждый новый космический шаг не так уж грандиозно отличается от предыдущего. Что делать — такое это кропотливое, осторожное, многократно проверяемое дело. Зато сравните полеты первого и сотого космонавтов — они уложились в сравнительно небольшой исторический срок, тогдашние молодые люди еще не успели состариться: какая ощутимая разница, какой рывок вперед!

Юрию Гагарину, другим нашим космонавтам довелось испытать самые разные ощущения полета. На поршневом самолете, вертолете, в пределах 300—500 километров в час. Потом новейшие реактивные машины — до тысячи километров и выше. Затем космическая — 28 тысяч километров в час над планетой. Наконец, свободное плавание в невесомости... Меня часто спрашивают: можно ли сказать, что все этим исчерпано? Есть ли еще вид полета, о котором все мы мечтаем?

Отвечу: есть! Но он, наверное, возможен лишь во сне. Наверное, сны летчиков чем-то похожи. Например, вдруг оказываюсь в кабине фантастического гибрида новейшего самолета и космического корабля. В полукосмичес-

ком скафандре, в лежащем сиденье, через стекло гермошлема пытаюсь разобраться в незнакомых для меня приборах, надписях на табло, цифрах и прихожу в ужас, что вижу все это впервые, а лететь надо немедленно...

Часто во сне вспоминается невесомость — будто бы с крыльями летишь с горы или просто паришь невысоко над землей, отталкиваясь от стен, деревьев... Ощущение полета — как шестое чувство для летчика. За близость к нему я люблю подводное плавание.

Что же касается мечты, то она, пожалуй, у авиаторов и космонавтов одна. Ее прекрасно выразил Юрий Гагарин в первые же дни после своего полета: «Лично я еще хочу много летать в космос. Летать мне понравилось. Хочу летать к Венере, к Марсу, по-настоящему полетать».

Однако вернусь к книге Нины Васильевны Рузановой, которую я представляю читателям. В спокойной, повествовательной форме, доверительной, исполненной добрых чувств к своему ученику, рассказывает она о саратовском периоде жизни Космонавта-1. Книга содержит человеческие документы, раскрывающие нам новые штрихи портрета Юрия Алексеевича.

Повторю: саратовские годы — особые в жизни и становлении Гагарина. За ними ранняя самостоятельность, обретение взгляда на труд и будущую специальность, притирка к коллективу, обретение чувства товарищества, открытие истин и искание себя... Словом, это в какой-то мере начало пути, первые шаги к тому, что сделало Гагарина Гагариным.

ВЛАДИМИР ШАТАЛОВ,
генерал-лейтенант авиации,
дважды Герой Советского Союза,
летчик-космонавт СССР

Осень в Саратове не так уж часто выдается теплой, солнечной. А в том памятном, 1951 году оказалась именно такой. Природа словно задалась целью преподнести подарок саратовцам, не торопить их расставание с летом. По-прежнему воздух был наполнен свежестью трав, деревья сохраняли пышный зеленый наряд. С Волги дул ветерок, разнося неповторимый аромат, который особенно ощущался в одном из любимых уголков отдыха горожан — парке «Липки».

Воскресным днем мы с Марией Константиновной Юрьевой, тоже преподавателем Саратовского индустриально-педагогического техникума, гуляли по аллеям парка. Молодежи, в том числе нашим учащимся, нравилось проводить здесь свободное время: читать, слушать музыку.

Шли мы по тихой аллее и разговаривали на самые обыденные темы. Вдруг Мария Константиновна придержала меня за руку:

— Посмотрите, Нина Васильевна, вон туда, вправо. Видите?

Вглядевшись, я заметила невысокого юношу в форме учащегося нашего техникума, стоявшего перед скульптурой летчицы. Мы подошли ближе и, боясь потревожить паренька, замерли.

Сзади донесся певучий женский голос:

— Опять, родименький, здесь. Кажинный день вижу его подле статуи. И с чего бы? Не пойму...

Это была, по всей вероятности, служительница парка. Не спеша женщина свернула на соседнюю аллею и пошла, то и дело оборачиваясь.

Юноша, не замечая никого, продолжал внимательно рассматривать скульптуру. Но вот он словно встрепенулся, обошел монумент и торопливо зашагал к выходу из парка. Мы тоже направились туда. Выйдя из «Липок», паренек быстро пересек улицу Радищева и вышел на перпендикулярную с ней — Сакко и Ванцетти. На ходу расправляя складки шинели, проверял, все ли пуговицы на ней застегнуты, ладно ли сидит на голове фуражка. Подойдя

к техникуму, постоял немного, поправил воротник шинели и вошел в здание.

Это был учащийся Юрий Гагарин, в 1951/52 учебном году зачисленный на первый курс литейного отделения, в группу Л-11.

Через несколько дней я пригласила Гагарина в кабинет русского языка и сказала, что видела его возле скульптуры летчицы. Юрий поначалу смутился, потом, мягко улыбнувшись, сказал, как бы упреждая возможный вопрос:

— Да, Нина Васильевна, мне действительно нравится эта скульптура. Смотрю на нее, и невольно хочется отлить то же из металла. А еще... Еще мне кажется, что в монументе точно передано стремление человека совершить необычное. Знаете, я уважаю людей этой профессии — летчиков, завидую им... Если откровенно, Нина Васильевна, к небу я неравнодушен с детства. Помню, спрашивал: почему огромный тяжелый самолет летает, как птица, легко и не падает? Можно ли облететь на нем земной шар? Теперь-то не задаю этих смешных вопросов. Но один, наверное, самый трудный, не дает покоя: как стать летчиком? Пока это лишь мечта...

— Мечты могут сбыться, Юра, если за них бороться.

Гагарин резко встал и, приложив руку к козырьку, совсем по-военному отчеканил:

— Есть, товарищ преподаватель, бороться за мечту!..

САРАТОВСКИЙ ИНДУСТРИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ

Саратовский индустриально-педагогический техникум. СИТ. Многие замечательные люди вышли из его стен. Здесь учился и первый в мире космонавт Юрий Алексеевич Гагарин. Теперь техникум носит его имя.

СИТ особенно близок и дорог тем, кто учился и работал в нем в трудные послевоенные годы.

Название техникума точно определяет его профиль, направление. Здесь ковались кадры, так нужные для советской индустрии.

Отсюда и слово «индустрик». Придуманное самими учащимися, оно произносилось с любовью и гордостью. Как-то Юрий Гагарин полушутя заметил:

— Нина Васильевна, учащиеся внесли свой вклад в обогащение русского языка, образовав слово «индустрик». Не знаю, кто из нас первый произнес это слово, но оно живет.

И верно, слово «индустрик» стали употреблять все саратовцы, особенно молодежь.

Не ошибусь, если скажу: учащиеся были патриотами своего техникума. В любую минуту каждый готов был сделать все, что в его силах, если того требовали общие интересы. Любую работу — техническую, научную, общественную — выполняли с любовью и желанием. Не случайно среди учащихся техникума была популярна песенка «Не забудем СИТ», слова которой написала выпускница 1948 года Лида Пулина. Вот несколько строк из этой песни:

Скоро мы разлетимся, друзья,
Нас заводы гудками зовут.
Мы узнаем другие края,
И заботу, и радость, и труд.
Но того не забудем, друзья,
Где нам путь был для жизни открыт.
Никогда, никогда не забудем
Названия СИТ,
Никогда, никогда —
Дорогое название СИТ.

Любовь к родному техникуму, преподавателям и одноклассникам пронес через свою жизнь и Юрий Алексеевич Гагарин. Об этом он рассказал в книгах «Дорога в космос» и «Вижу Землю».

Саратовский индустриально-педагогический техникум был образован в феврале 1945 года на базе ремесленного училища № 2. До Великой Октябрьской социалистической революции здесь помещалось Александровское училище, среди воспитанников которого — матрос броненосца «Потемкин» А. Заулошнов, матрос легендарной «Авроры» А. Златогорский.

Здание, в котором разместился созданный в пору войны техникум, было тесновато, не слишком приспособлено для занятий. Лишь спустя годы к трем его этажам пристроили еще три.

На первом этаже поначалу находились библиотека, кабинет директора, бухгалтерия и различные службы. На втором — учительская и классные комнаты. На третьем — классные комнаты и актовый зал. В полуподвальном помещении разместили столовую.

Не хватало классных комнат, учебных кабинетов, комнат для внеклассной и кружковой работы. Мало было учебников, методической, художественной и технической литературы, специального оборудования, наглядных пособий.

При составлении расписания учебной части приходилось серьезно задумываться над тем, как разместить группы по классам. Поэтому я, например, иногда проводила уроки в кабинете электротехники.

Несмотря на все трудности, учебный процесс шел строго по расписанию.

В первые два года учебы Гагарина в Саратове директором техникума был А. М. Коваль. Он умело руководил большим коллективом педагогов и мастеров. Позднее техникум возглавил С. И. Родионов. Классным руководителем группы, в которой учился Юрий, была А. П. Акулова. Она же вела математику. Физику преподавал Н. И. Москвин — человек с большим жизненным и педагогическим опытом, прекрасно знавший свой предмет.

Историю вела опытный педагог Н. И. Бренько, немецкий язык — М. К. Юрьева, электротехнику — В. М. Антопольский, сопромат — К. В. Шапиро, специальные

предметы по литейному производству — Ю. Ф. Кузьмин, допуски — М. Я. Паршкова, педагогику и психологию — З. Н. Шапошникова, физкультуру — Г. Г. Соколов, методу производственного обучения — Г. Г. Душутин, основы технологии резания — Р. Н. Плотников. Русский язык и литературу преподавала я. Одновременно была председателем предметной комиссии и руководителем литературно-драматического кружка.

По традиции 1 сентября, до занятий, проводилась линейка. Учащиеся, в новой форме, подтянутые, держа строгое равнение, стояли в строю.

В 1951 году в первом ряду своей группы стоял Юрий Гагарин.

Замерев от волнения, первокурсники слушали поздравления, напутствия педагогов и старших товарищей по учебе. Но вот прозвенел звонок, и учащиеся, веселые, возбужденные, направились по группам в учебные классы.

Позднее, делаясь со мной впечатлениями о первой линейке, Гагарин сказал:

— Эта линейка очень важна. Она нацелила нас на серьезную учебу.

Во дворе находился небольшой трехэтажный дом, в котором располагались производственные мастерские, технический отдел и медпункт. Здесь же находилось общежитие девушек.

В 1951 году в доме на улице Мичурина гостеприимно приняло новичков мужское общежитие. Вместе с товарищами по группе Гагарин поселился в комнате № 9, где прожил все четыре года. Сейчас этого здания уже нет. Оно снесено, на его месте в 1975 году создан целый ансамбль из трех девятиэтажных зданий. О таком общежитии мечтали многие наши выпускники. И как был бы рад Гагарин, если бы увидел, что здесь живут дорогие его сердцу индустрики!

Ну а в те давние, пятидесятые годы индустрики жили хоть и в тесноте, да не в обиде. Коллективизм, жажда знаний — вот что спланивало.

Литейный цех располагался в центре двора в помещении, не отвечавшем и тогдашним требованиям. Но люди работали упорно, терпеливо, настойчиво. Мастера и учащиеся делали все, чтобы улучшить условия труда, даже перестроили и переоборудовали цех.

Но были и другие трудности: не хватало чугуна, кокса. А без них литейка мертва. Порой нависала угроза срыва производственной практики. Ее руководители принимали все, что было в их силах, лишь бы не сорвалась работа. В критических ситуациях обращались за помощью к заводчанам, и рабочие всегда выручали.

Мастера литейного производства В. Карпов и А. Ракчеев, сами бывшие учащиеся нашего техникума, тонко разбирались не только в сложном процессе производства, но и настроениях, характерах ребят. А это было залогом успешной производственной практики.

Заместителем директора по производству был Семен Николаевич Романцов, прекрасно знавший свое дело. Требовательный и в то же время добрый, чуткий товарищ, он пользовался большим уважением среди учащихся, педагогов и мастеров. Романцов часто бывал в литейном цехе, оказывал практическую помощь не только учащимся, но и наставникам их, другим работникам литейки...

Мне давно хотелось побывать в литейном цехе, увидеть все волшебства своими глазами, но, к сожалению, литье проходило тогда, когда у меня были уроки. Наконец случай представился. Уходя на очередную производственную практику, Михаил Некрасов, староста группы, где учился Гагарин, пригласил меня в цех. Подошел Юрий и, услышав, о чем речь, сказал:

— Нина Васильевна, обязательно приходите. Будет очень интересное литье.

В назначенный день я пришла в цех. Сразу ощутила напряженную рабочую атмосферу. Почувствовала специфический запах гари. Ребята в комбинезонах и ватниках казались неуклюжими. Но стоило им взяться за дело, как исчезала угловатость. Трудились ловко, ритмично.

Нельзя было не залюбоваться работой Гагарина. Не отвлекаясь ни на минуту, спокойно, уверенно делал он свое дело.

— Молодец! Трудолюбивый паренек,— сказал мастер Ракчеев.— Побольше бы таких.

А через несколько дней я побывала и на плавке. Пылающая жаром вагранка, раскаленный металл, фейерверк разлетающихся искр, а рядом Гагарин, Порохня, Шешин, Некрасов и другие, словно заправские литейщики, сноровисто, смело и точно производили заливку форм. Эти юноши, почти мальчики, казались воплощен-

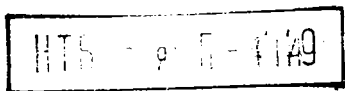
ем силы и мужества. Меня удивляли их мастерство, упорство в труде.

Через несколько дней после плавки учащиеся этой группы собрались в актовом зале на вечер отдыха. Обступив меня, спрашивали наперебой:

— Как, Нина Васильевна, понравилась плавка?

— Очень понравилась! Молодцы! — отвечала я им. —
Какие же вы все замечательные, ребята!

14876 Д.



ПЕРВЫЕ УРОКИ

Я всегда с волнением ждала знакомства с новыми своими учениками. Каждый раз думала, какими они окажутся: любознательными, способными или, наоборот, ленивыми, нерадивыми? Верила-то, конечно, в лучшее. Волнение мое было не робостью, а радостью встречи с новыми питомцами, которых предстояло обучать.

Идя на первое занятие в группу Л-11, думала: как встретят меня новички, полюбят ли мой предмет?

С такими мыслями вошла в класс. Ребята поднялись, приветствуя меня. У доски стоял худощавый паренек с открытым, добрым лицом, прямым взглядом серых глаз, аккуратный, подтянутый. Когда он начал рапорт, лицо его стало серьезным, сосредоточенным:

— Товарищ преподаватель! Учащиеся группы эль-одиннадцать присутствуют на уроке в полном составе. Дежурный по группе Гагарин.

Во взгляде юноши, в интонации его голоса чувствовалась притягательная сила. Невольно подумалось: «Какой славный паренек».

Посмотрела на остальных: все — в напряженном ожидании. Сколько их, новых ребят, новых лиц... Сколько разных глаз пылливо, доверчиво глядело на меня.

Представилась учащимся. Потом стала знакомиться с каждым, предлагая коротко рассказать о себе. Выяснилось, что большинство ребят вышли из трудовых семей, все окончили ремесленные училища, многие пережили ужасы войны на временно оккупированной фашистами территории.

Подошла очередь Гагарина. Он неторопливо, обстоятельно рассказал о себе: окончил в Гжатске шесть классов средней школы, потом, в пятьдесят первом, — ремесленное училище литейщиков в Люберцах, одновременно окончил с отличием седьмой класс вечерней школы; член ВЛКСМ.

— А почему поступили в Саратовский индустриально-педагогический техникум? — спросила я.

— Хочу освоить литейное производство, стать хорошим специалистом,— спокойно ответил он.

— Правильно,— поддержала я.— Стране нашей очень нужны квалифицированные кадры, способные решать сложные задачи. Уверена, что многие из вас будут прекрасными специалистами. Но для этого нужно настойчиво учиться, овладевать знаниями.

Знакомство состоялось. И вот мы приступили к теме урока «Художественная литература и ее значение в общественной жизни».

Урок проходил в форме живой беседы. Гагарин, Порохня, Шешин и Шикин сразу же активно включились в обсуждение. Чаще других поднимал руку Юрий, просил: «Разрешите, я добавлю!». На вопрос о воспитательной роли литературы Гагарин ответил так:

— Сами-то мы, Гагарины, из крестьян. Дорого нам все, что написано о крестьянской доле. Помню, долго не мог уснуть, прочитав стихотворение Некрасова «Размышления у парадного подъезда». Все стояли перед глазами обездоленные крестьяне, которых не пустили в дом вельможи. А ведь они шли к нему из далеких деревень за помощью.— Гагарин помолчал немного и продолжил:— Да разве хотели помочь народу те, кто грабил бедняков, а сам, не зная горя, вел праздную жизнь?! Стихотворение учит тому, что не надо искать помощи угнетателей, необходима борьба. В этом воспитательный смысл произведения.

— Хорошо, Гагарин. Тему поняли правильно, отвечали интересно.

После урока Юрий подошел ко мне, спросил:

— А в литературно-драматический кружок можно записаться?

— Конечно. Только надо подождать, втянуться в учебу, хорошенько проверить свои силы. Если учеба будет ладиться, пожалуйста. В кружке придется много работать. И занимаются в нем только те, кто учится без троек.

— Подожду! — обрадовался Гагарин.— А учиться буду хорошо.

«Замечательный паренек!» — в который раз подумала я. Нравилась его простота, искренность, серьезность.

Бежали дни, недели. Появлялись все новые и новые записи об уроках. Страницы классных журналов пестрели разными оценками. Мнение преподавателей было

едино: ребята хотят учиться, но подготовка многих новичков слабовата, им нужна серьезная помощь.

Когда речь заходила о способных ребятах, все преподаватели непременно называли Гагарина.

Интересный разговор состоялся у меня с учителем физики Николаем Ивановичем Москвиным. Задержавшись как-то после уроков, я вышла из кабинета русского языка запоздно. В узком коридоре стоял полумрак, лишь из приоткрытой двери учительской пробивался слабый свет. Отворив дверь, я увидела, что на диване, тяжело дыша и кашляя, сидит Николай Иванович. Он страдал бронхиальной астмой, в осеннюю пору болезнь особенно давала о себе знать.

— Николай Иванович, вам нездоровится? — спросила я, подсаживаясь к нему.

— Ничего. Сейчас отдышусь и пойду домой. Болеть нельзя. Надо учить, учить молодежь. Вон их сколько к нам пришло, новичков-то! И представьте, Нина Васильевна, когда я на уроках, среди здоровых, крепких ребят, то напрочь забываю о болезни. Думаю только об одном: быстрее научить законам физики. Это им необходимо.

Увлеченный, он долго говорил о значении этой важной науки. С лица Николая Ивановича постепенно исчезла усталость, голос звучал бодрее.

— К сожалению, первокурсники еще слабо знают физику, — вздохнул мой коллега. — Зато как любознательны! Некоторые так просто напористы! Очень хотят учиться, а раз хотят — научим. Вот сегодня, например, один парнишка вступил со мною в спор. Что ж, пришлось поговорить с ним, доказать истину. У него своя, мальчишеская логика. Он смел, задирист в суждениях. Ему подавай неопровержимые доказательства законов физики в природе. Понравился он мне. Люблю таких. Ведь физику надо не зубрить, а понимать. А еще нужно искать, доказывать. Он это сможет.

— А как фамилия паренька?

— Фамилия? Сейчас взгляну в журнал. — Николай Иванович открыл нужную страницу и с расстановкой прочитал: — Гагарин. Фу ты, как же я мог забыть? Вот что делает склероз. Теперь не забуду. Пятерку у меня получил пока только он, а я, сами знаете, зря не балую высокой оценкой. И если у Гагарина способности будут сочетаться с любознательностью и трудолюбием, из него выйдет толк.

Первый урок литературы был для Юрия проверкой, пробой сил. Он настроился на серьезное изучение предмета. «До поступления в техникум я не очень много читал,— говорил Гагарин,— теперь надо наверстывать упущенное».

Художественная литература увлекла Юрия. Он стал читать жадно, вдумчиво.

— Без хорошей книги теперь не могу прожить ни дня. Она для меня что добрый друг,— признался Гагарин, отлично сдав экзамен по литературе за третий курс.

Спустя много лет, когда мы с Юрием Алексеевичем увиделись в Саратове после его полета в космос, он крепко пожал мне руку и, улыбаясь счастливо, сказал:

— Очень рад, что опять в родном техникуме, среди моих любимых педагогов. Готов отвечать вам по литературе хоть сейчас. Прочитал и Герберта Уэллса «Россия во мгле».

...Гагарин вспомнил об Уэллсе не случайно. Еще учась в техникуме, он очень хотел прочитать эту книгу, но ни у нас, ни в библиотеках города ее не оказалось.

— Как же быть? — огорчился Юрий.

Вскоре среди ребят пронесся слух, что в учительской библиотеке появилась эта книга. Юрий стал уговаривать меня пойти с ним за книгой Уэллса. Довод был прост и убедителен: книга в библиотеке одна, ему могут не дать, а мне, педагогу, дадут скорее. Я согласилась. Заведующая библиотекой, выслушав нашу просьбу, сказала:

— К сожалению, этой книги у нас пока нет.

— Жаль, что разведка сработала неважно. Но книгу я все равно найду и прочитаю,— сказал Гагарин.

Серьезно относился Юрий к изучению русского языка. Он считал этот предмет очень важным, на уроках был внимательным, активным, старался разобраться в каждом правиле.

На втором курсе с Юрием случилось ЧП.

Я проверяла домашнее задание, взяла и его тетрадь. Гагарин встал, краска стыда покрыла его лицо: работа, к моему удивлению, была выполнена небрежно. Он не оправдывался, а только сказал:

— Простите, такое не повторится...

Слово свое Юрий сдержал, до самого окончания техникума работал безупречно.

Позднее я узнала причину удивившей меня небрежности Юрия. О ней мне рассказали его товарищи. Вечером Гагарин был на тренировке, домой пришел поздно, стал выполнять задание, а свет в общежитии неожиданно отключили. Поэтому делал уроки в спешке, утром. Но сам Юрий не хотел ссылаться на объективные причины своей неудачи.

— Виноват я и больше никто,— сказал он.— Это для меня будет хорошим уроком.

Таким он был всегда — прямым, честным и требовательным к себе даже в мелочах. С тех пор не было случая, чтобы пришел на урок неподготовленным. Готовился к каждому занятию серьезно, поэтому ответы его отличались неординарностью, глубиной. Он далек был от простого механического заучивания, стремился к самостоятельным суждениям. В каждом ответе чувствовалось его отношение к теме.

Таков был один из лучших моих учеников Юрий Гагарин. Пишу свои воспоминания, а в памяти возникают все новые подробности его жизни, хочется рассказывать о них без конца.

Припоминается такой эпизод. В начале пятидесятых годов произведения Сергея Есенина не входили в программу, в библиотеке не было его стихов. А многие учащиеся очень интересовались поэзией Есенина. Гагарин не раз спрашивал меня о жизни Есенина, его поэзии. У меня тогда не было книг этого поэта, но как только мне подарили небольшой сборник его стихов, я дала почитать книгу Юрию.

— Нина Васильевна! — восторженно сказал Юра, прочитав стихи.— Какой это удивительный поэт, как он любил Родину!

Слушая Гагарина, я радовалась тому, как тонко чувствует он красоту родной природы, воспетую в прекрасных стихах замечательного русского поэта... И сам Юра становился мне еще милее, дороже.

Первый семестр — серьезная пора для учащихся. Ребятам нужно было привыкать к строгому и четкому порядку работы техникума, к требовательности преподавателей, осваивать сложный программный материал.

Перед нами, педагогами, стояла не менее трудная задача — изучить новичков, привить им навыки работы. Первые же опросы первокурсников и контрольные работы показали, что ребята подготовлены неодинаково. Появились среди них отстающие. Преподаватели, не считаясь со временем, проводили консультации, дополнительные занятия. И это дало свои результаты. Успеваемость в целом повысилась. Однако еще оставались ребята, получавшие тройки, а порой и двойки.

Не была исключением и группа Л-11. Озабоченная этим, классный руководитель Анна Павловна Акулова решила поговорить об успеваемости на собрании группы. Она попросила участвовать в нем Николая Ивановича Москвина, меня и еще некоторых преподавателей.

Пригласили нас не случайно: по математике и русскому языку наши подопечные получали больше всего двоек.

Председателем собрания единогласно избрали Юрия Гагарина. Он встал и объявил громко, чтоб слышали все:

— На повестке дня один вопрос — успеваемость учащихся нашей группы.

Я посмотрела на Юрия: на лице его не было ни смущения, ни растерянности. Уверенно и спокойно юноша вел собрание. Юрию нетрудно было завладеть вниманием товарищей: он хорошо знал их. Следя за порядком, Гагарин представлял слово одному, просил подготовиться другого. Предупреждал, что говорить нужно коротко, по существу.

Первому Гагарин предоставил слово старосте группы Михаилу Некрасову. Тот в целом охарактеризовал коллектив, назвал сильных учащихся и среди них Ю. Гагари-

на, А. Шикина, Е. Стешина. Затем стал перечислять неуспевающих.

— Ребята,— обратился к ним староста,— если так относиться к учебе, мы будем долго плестись в хвосте. А разве это делает честь? Пора за ум браться.

Вслед за Некрасовым выступило еще несколько человек — и отличники, и отстающие. Первые пообещали взять товарищей на буксир, вторые — не лениться.

Затем Гагарин предоставил слово мне. «Что же сказать сегодня ребятам? — думала я.— Поругать, пригрозить отчислением из техникума за неуспеваемость? Но ведь это им уже говорили. Нет, сейчас нужен другой разговор. Деловой, доверительный».

— Вот вчера Ермолаев сказал мне, что учиться трудно,— начала я.— Правильно, нелегко. Но вспомните Павла Корчагина. Больной, прикованный к постели, он неимоверным усилием воли заставлял себя работать и работать. Вы, здоровые, крепкие ребята, должны научиться преодолевать пассивность, быть собранными. В том, что вам это по силам, уверена. Как говорится, терпенье и труд все перетрут.

Когда я вернулась на свое место, заговорил председательствующий:

— Ребята! Сколько же раз можно обсуждать один и тот же вопрос? Говорим, критикуем, а воз и ныне там. Пора от слов переходить к делу. Успеваемостью должны энергичнее заняться и комсомольский актив, и комсорг, и староста группы. Под особый контроль возьмем всех имеющих двойки по математике, физике и русскому языку. И не дадим покоя, запомните, не дадим покоя тем, кто тянет нас назад. Предлагаю кроме обязательных дополнительных занятий организовать товарищескую помощь сильным учащимся отстающим. Например, я помогу Виктору Порохне. Он способный, но сейчас увлекся спортом и запустил математику. Как думаешь, Витя,— обратился Юрий к Порохне,— справимся, если поднажмем?

— Понятно, что вместе куда легче. Обещаю серьезно взяться за математику.

И Виктор сдержал слово. Он исправил двойки и тройки, стал одним из лучших учащихся техникума. На втором курсе портреты Гагарина и Порохни были помещены на доске Почета рядом.

— Мы все, конечно, будем помогать отстающим,—

продолжал Гагарин.— Но многое зависит от них самих. Надо учиться и работать по-корчагински. Недаром мы зовемся комсомольцами...

Пройдет всего десять лет после того памятного собрания, и поколение комсомольцев шестидесятых годов скажет: надо учиться работать по-гагарински!

Затем слово взял наш старейший педагог Николай Иванович Москвин. Не спеша подошел он к столу, держа список учащихся, имеющих двойки по физике. Зачитав фамилии, Николай Иванович, заметно волнуясь, сказал:

— Разве можно так учиться? Стыдно! Это по физикетто — двойки? Вы же литейщики, металлурги. Знание законов физики вам нужно как воздух. Давайте же, граждане, работать упорно, терпеливо. А способности у вас есть. Хорошо сейчас сказал Гагарин: главное — больше работать. Молодец! Правильно сказал. Вот с этого и начнем.

«Странно,— подумала я,— почему Николай Иванович, обращаясь к ребятам, назвал их гражданами?» У нас принято было называть их иначе: «товарищи» или «товарищи учащиеся». После собрания решила спросить об этом Москвина. Он, не задумываясь, ответил:

— А разве я не прав? Они граждане и по возрасту, и по ответственности. Когда я беседую с молодежью по серьезным вопросам, непременно называю их гражданами. Тем самым подчеркиваю их ответственность. Большую ответственность перед страной и народом. К сожалению, не все это понимают. Но поймут, поймут, я уверен! Вот Гагарин, Некрасов, Шикин хорошо понимают свою задачу и свой гражданский долг.

Последней выступила Анна Павловна Акулова. Обычно сдержанная, на этот раз она была взволнованна. Классному руководителю, как никому другому, особенно близки успехи и неудачи группы. Все слушали ее, не проронив ни слова. Это внимание, эта тишина показывали, что дела в группе пойдут на поправку.

Анна Павловна вернулась на место, и Гагарин зачитал записки с предложениями ребят.

— Итак, собрание мы провели, вынесли решение, которое записано в протоколе,— сказал Юрий.— А теперь — за дело! Добьемся, чтобы наша группа стала лучшей. Это в наших силах!

— Правильно! Даешь отличную группу! — раздался голоса.

Не сразу, конечно, добились успехов, для этого много пришлось потрудиться. Комсомольцы, весь актив помогли клáссному руководителю организовать дополнительные занятия и консультации. Отличники шефствовали над отстающими. На втором курсе группа Л-12 стала лучшей в литейном отделении, а впоследствии и в техникуме. Шесть человек из нее окончили техникум с отличием, среди них были два верных товарища — Юрий Гагарин и Виктор Порохня.

В ЛИТЕРАТУРНО-ДРАМАТИЧЕСКОМ КРУЖКЕ

Литературно-драматический кружок в СИТе появился в октябре 1946 года. Кружковцы задумали проводить литературные вечера, диспуты; знакомиться с произведениями русских, советских и зарубежных писателей, организовывать культпоходы в театры и музеи Саратова, ставить спектакли.

В кружок сразу записалось тридцать человек. Горячо брались они за любое дело: были актерами и режиссерами, гримерами и костюмерами, авторами инсценировок и художниками. Так, собственными силами, подготовили и поставили пьесу А. Н. Островского «Гроза», комедию Д. И. Фонвизина «Недоросль». Спектакли, литературные вечера проходили в переполненном актовом зале и пользовались большим успехом.

Иногда нам помогали профессиональные актеры — Г. Слабиняк, Л. Шутова, С. Легенский. Побывав однажды у нас на репетиции, Георгий Слабиняк похвалил ребят: «Молодцы, смело беретесь за сложные спектакли, работаете с душой. А это очень важно для актера-любителя».

Такая оценка заметно ободрила кружковцев.

Как-то ко мне подошел Гагарин:

— Нина Васильевна, могу ли я записаться в литературно-драматический кружок? Читать я люблю, тянет к театру, к диспутам, докладам. С успеваемостью у меня все в порядке.

Я кивнула, соглашаясь.

— Тогда загружайте меня работой, Нина Васильевна. Не подведу, вот увидите.

Я знала: Гагарин не из тех, кто любит покрасоваться. То, что говорил, шло от души, от сердца.

— Юра,— сказала ему,— желание у вас хорошее. Любите читать книги? Очень хорошо. Читайте больше. Это поможет вам в жизни, обогатит язык. И мой вам совет: следите за своей речью и за речью товарищей. Боритесь с засоренностью языка.

— С засоренностью? — переспросил Юрий.— А мы уже ведем такую борьбу в общегитити.

— Как же?

— Тех, кто ошибается, «штрафуем»: велим процитировать пословицу или поговорку, прочитать наизусть стихотворение, назвать фамилии выдающихся русских писателей, композиторов, художников. Тому, кто за день ни разу не ошибся, ставим плюс. Допустившие осечку получают минусы. Помогает: мы стали больше следить за своей речью.

Библиотекой у нас заведовала Таисия Петровна Посыпкина. С редкостной любовью относилась она к своей работе. Учащиеся уважали Таисию Петровну, с удовольствием заходили к ней поговорить о прочитанном, да и не только об этом: многое волновало ребят. Посыпкина приветливо встречала их; по-матерински заботилась о каждом. Ведь у нас учились те, чье детство опалила война, многие остались сиротами. Им так нужны были внимание и ласка.

В то же время Таисия Петровна строго спрашивала с лентяев и нерях, с тех, кто портил книги. В борьбе за продление жизни книги у нее находилось много помощников.

Одно время Юрий Гагарин был членом актива библиотеки, Таисия Петровна считала его своим лучшим помощником. «Надежный паренек,— вспоминала она.— Что ни поручишь, выполнит точно, быстро, аккуратно. Дала ему однажды двадцать потрепанных книг. Так аккуратно, красиво отремонтировал, что книг было не узнать».

Когда кружковцы решили провести диспут по «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого, забот у Таисии Петровны прибавилось. Надо было обеспечить книгами всех желающих принять участие в обсуждении.

Написали объявление о готовящемся диспуте. Члены кружка прочитали книгу и обсудили отдельные главы, подготовили рефераты, провели викторину. Гагарину поручили сделать доклад о литературной деятельности Бориса Николаевича Полевого, о герое его книги — замечательном советском человеке летчике Мересьеве. Юрий с головой ушел в работу, вновь и вновь перечитывал повесть, составлял план выступления, думал, как отвечать на вопросы товарищей.

За день до диспута ко мне пришли Гагарин и Зубатов.

— Видите, Нина Васильевна, какой Юрий неугомонный. Решил отрепетировать свое выступление,— сказал Виктор.

Гагарина и Зубатова многое объединяло. Они вместе выполняли комсомольские поручения, занимались в литкружке. Оба умели и любили шутить. С ними всегда было легко. Пропадала усталость, забывались трудности и невзгоды.

Юрий раскрыл тетрадь с планом выступления и конспектом. Красным карандашом в конспекте подчеркнул цитаты из повести, причем некоторые выучил наизусть. Выступление было рассчитано на полчаса.

Положив перед собой план, Юрий полушутя произнес:

— Внимание, товарищи! Слушайте!

Но тут же посерьезнел, начал выступление. Гагарин умел без раскачки приступать к важному делу.

Юрий излагал материал ясно, последовательно, удачно используя цитаты. Прошло ровно полчаса, и он закончил доклад, сказав напоследок:

— Всё!

Зубатов поглядел на часы:

— Ну ты, Юрка, молодец! Точь-в-точь уложился!

Мы спустились в вестибюль и вышли на улицу. Вечер был удивительно спокойный, воздух морозный, свежий. Подойдя к старому дереву, Юрий коснулся рукой ветки, и на нас посыпались серебристые снежинки. Вмиг все стало в снегу. Юрий и Виктор, отряхивая друг друга, смеялись.

На небе высыпали звезды. Мы медленно шли по притихшей, заснеженной улице Сакко и Ванцетти. Луна мягко освещала крыши домов.

Тишину нарушила мелодия песни Дунаевского «Широка страна моя родная».

— Это наши индустрики поют,— прислушавшись, сказал Юрий и подхватил песню, а за ним — Виктор и я.

— Замечательная песня! — восторгался Гагарин.— Люблю наши русские, советские песни. Столько в них души, чувств!

...Наступил день диспута.

Желающих попасть на него оказалось много. Зал гудел, как потревоженный улей.

Юрий пришел заблаговременно. Волновался наверняка, но виду не подавал.

Вскоре пришли В. Зубатов, А. Хайдуков, Е. Стешин, Р. Миронычева, В. Порожня и другие. Они подбадривали Юрия, желали ему успеха.

Диспут начался. Первое слово предоставили Гагарину. Юрий рассказал о жизни и творчестве Бориса Полевого, остановился на отдельных эпизодах «Повести о настоящем человеке».

— Черты Мересьева типичны для советской молодежи, — подчеркнул Гагарин. — Борис Полевой продолжает традиции Николая Островского, утверждая пламенный девиз — «Через трудности к победе... Только вперед! Только на линию огня». А предшественником их обоих я считаю Горького, утверждавшего, что в жизни всегда есть место подвигу. Все мы должны брать в пример пламенного Данко, Павку Корчагина, Алексея Мересьева, должны учиться у них бороться и побеждать.

Посыпались вопросы. Их было так много, что Гагарин едва успевал отвечать.

— Кто вам больше нравится: герой Войнич — Овод или герой Полевого — Мересьев?

— Овода, сильного духом и мужественного человека, я давно люблю, — ответил Юрий, — но Мересьева любил сильнее. Он — наш современник, близок нам по духу и убеждению. Мне очень хотелось бы встретиться с Алексеем Петровичем Мересьевым, о судьбе которого рассказал в своей повести Полевой, ижать его руку. Хорошо бы пригласить этого мужественного человека к нам в гости.

К сожалению, такая встреча в техникуме не состоялась.

Но позднее Юрий Алексеевич встретился в Москве с Алексеем Петровичем. Встречался Гагарин и с Борисом Николаевичем Полевым.

Диспут окончился, но часто вспоминали о нем. Запал он в сердце и кружковцам, и всем приглашенным.

...Позднее мы провели еще несколько мероприятий. Запомнились диспуты о чести и долге, дружбе и любви, литературные викторины. Гагарин выступал на всех диспутах, участвовал во многих викторинах, за лучшие выступления и ответы неизменно награждался книгами.

За какую бы работу Юрий ни взялся, трудился с любовью, увлеченно. Не допускал равнодушия и небрежности даже в мелочах. Четкость, дисциплинированность отличали его.

Помнится, нужно было сделать карточки для викторины. Гагарин достал ватман, тушь. Аккуратно разметил

и разрезал бумагу, обвел надписи тушью. И все быстро, сноровисто.

Или другой пример. В кабинете русского языка перекосилась дверь, трудно было повернуть ключ в замке. Юрий сам решил устранить перекося. Сбежал в мастерскую, принес инструменты. Поработал рубанком, смазал замок, и дверь стала легко закрываться.

Гагарин был неутомимым в работе. И, конечно, не только в физической. Тянулся ко всему интересному, пробовав себя в разных областях.

Любил он и поэзию, с увлечением читал стихи. И тут решил добиться побольше, постичь секреты декламации.

— Мастером художественного чтения я не стану, но понять тонкости этого искусства очень хочу,— говорил он.

Новое занятие увлекло Юрия. И когда проводили очередную вечер, посвященный творчеству Горького, он с большим успехом прочитал «Песнь о Соколе».

Горького Гагарин любил особо. Прочитал много его рассказов и стал готовиться к докладу «Ранний революционный романтизм Максима Горького». Отличное знание текста позволяло ему свободно цитировать наизусть отрывки из произведений писателя.

Любовь к Алексею Максимовичу Горькому — буревестнику русской революции, певцу храбрых и смелых — Гагарин пронес через всю свою жизнь. Недаром еще в техникуме он повторял: «Безумству храбрых поем мы песню!»

Спустя годы Юрий Алексеевич собирался выступить на торжественном собрании, посвященном 100-летию со дня рождения А. М. Горького. Выступление его называлось поэтически — «Певец звездных далей». В нем были такие строки:

«Он (Горький) — мудрый советчик, друг. Человек, пробуждающий в каждом из нас лучшие чувства и стремления. Он вдохновляет нас на величайшие дерзновения.

Горький — один из самых моих любимых писателей... Восхищенный первыми успехами социалистического строительства в Стране Советов, Горький уже в те годы предсказывал: «Люди полезут еще на Марс...»

Далеко вперед смотрел Горький. Он одним из первых сумел по достоинству оценить научную дерзость отца мировой космонавтики К. Э. Циолковского, называя его «изумительным человеком...»

Не довелось Юрию Алексеевичу выступить на торжественном собрании. В тепер уже далекий мартовский день перестало биться его сердце...

Минуют годы, но память моя о Гагарине не тускнеет, все новые и новые черточки прорисовывает ярко, зримо. И конечно же мне, учителю-словеснику, особенно по сердцу его страстная любовь к отечественной литературе.

Серьезной проверкой Гагарина на зрелость был его доклад по роману Льва Толстого «Анна Каренина». Эту тему они готовили вместе с Женей Стешиным.

В те годы по программе из крупных произведений Толстого на уроках изучали только «Войну и мир». А ребятам очень хотелось поглубже познакомиться с другими творениями великого русского писателя — его романами, рассказами, повестями. В этом им очень помогли занятия в литературно-драматическом кружке. Одно посвящалось шедевр Толстого — роману «Анна Каренина».

Юрий и Женя отнеслись к заданию серьезно. Прежде всего внимательно прочитали роман, осмыслили идею. Проработали статьи В. И. Ленина о Толстом, другую критическую литературу.

На консультации Юрий сказал мне:

— Знаете, впервые я прочитал этот роман еще на первом курсе. Тогда меня захватила главным образом любовная история Анны и Вронского. Все остальное прошло мимо. А сейчас другое дело.— Немного помолчав, Гагарин продолжил: — «Анна Каренина» — социальный роман.

Повернувшись к Жене, Юрий спросил:

— Согласен со мной?

— Вполне! — ответил Стешин.— Сколько мы узнали о русской жизни шестидесятых-семидесятых годов прошлого века!

Долго говорили о проблемах, поднятых в произведении, о величии Толстого. Вспомнили высказывания Владимира Ильича Ленина о писателе.

Незаметно прошла консультация. Ребята, обсуждая роман, горячились, спорили. Приятно было слышать, с какой юношеской страстью говорили о книге Гагарин и Стешин.

— Виктор Порохня тоже хотел прийти,— добавил Юрий.— Он у нас прирожденный литератор. Обещал быть, да, видимо, не смог.

— Здесь я! — откликнулся Виктор.— Прошу проще-

ния. Задержали в комитете комсомола. Но мои литературные способности ты, Юра, переоценил.

— А ты не подслушивай,— улыбнулся Гагарин.

— Дверь была приоткрыта, вот я и услышал.

Виктор любил литературу, хорошо разбирался в ней. Как и Юрий, много читал, активно занимался в литературно-драматическом кружке. Виктора отличали самостоятельность в суждениях, неординарность в оценке явлений. Я советовала ему в будущем заняться журналистикой. Профессиональным литератором Виктор не стал, стал историком. Преподавая в Московском авиационном институте, защитил кандидатскую диссертацию, а потом и докторскую. Однако нет-нет да и выступит Виктор Сидорович со статьей, с небольшой, но меткой зарисовкой, вспомнит о пережитом: о годах юности, о милом сердцу СИТе.

Как сейчас, слышу голос Порохни на той консультации:

— Думаю, доклад Юре удастся. А то, что спорим, так это же здорово! Без споров не прошла ни одна тема. Помните, как отчаянно спорили, обсуждая «Грозу» Островского, «На дне» Горького? А наши полуночные дискуссии о романе «Что делать?»...

И точно: Спорили много о «новых людях», а больше всего, конечно, о Рахметове. Некоторым ребятам казались странными и непонятными взаимоотношения между Лопуховым, Кирсановым и Верой Павловной. Непонятен был и аскетизм Рахметова. Страсти улеглись лишь после того, как посетили Дом-музей Чернышевского, прочитали замечательные слова Николая Гавриловича: «Содействовать славе, не преходящей, а вечной своего отечества и благу человечества,— что может быть выше и вожделеннее этого?».

...Вот и толстовский роман. О многом он заставлял задуматься, многое переосмыслить...

На вечер народу собралось очень много — зал был переполнен. Пришли учащиеся и педагоги техникума, ребята из других учебных заведений Саратова.

Гагарин был собран, сдержан. Конечно, он волновался, но виду не подавал, владел собой отлично.

— Сегодня мое выступление будет вроде экзамена на аттестат зрелости,— сказал Юрий.— Вон сколько народу собралось.— И улыбнулся: — Ничего, постараюсь не осрамиться.

Тепло приняли выступления ребят, долго не стихали аплодисменты в зале. Возбужденные, сошли со сцены Жена и Юрий. Товарищи окружили их, приветствуя:

— Браво, индустрики! Молодцы!

Вася Тверитин, выстроив в полукруг парней и девушек, настроил фотоаппарат и загадочно произнес:

— Спокойно! Снимаю для истории!

Жаль, что вышла осечка, не удался снимок. Он и впрямь стал бы достоянием истории...

А как любили кружковцы театр!

Запомнился культпоход в Саратовский театр оперы и балета имени Н. Г. Чернышевского на оперу М. П. Мусоргского «Хованщина». Театр в тот вечер заполнили главным образом наши учащиеся. В партере, в амфитеатре, на балконах стоял оживленный шумок. Зазвучала музыка, поднялся занавес — и наступила тишина. В массовых сценах ожила допетровская Русь, глубоко страдающая, бунтующая, полная громадных, но медленно пробуждающихся сил.

Многие ребята пришли в театр впервые, услышанное и увиденное поразило их. Юрий сидел недалеко от меня. Словно замороженный, слушал он оперу.

Занавес опустился, загремели аплодисменты. В фойе ребята обсуждали игру актеров, музыку, декорации.

Прозвучал звонок — и началось второе действие, опера продолжалась...

Несколько дней учащиеся находились под впечатлением от музыкальной драмы Мусоргского, говорили о ней и на уроке литературы, и на занятиях кружка. Особенно понравились артисты, исполнявшие партии Марфы, властного и надменного князя Хованского и главы раскольников старца Досифея. Все они пели, играли превосходно.

Так же коллективно мы прослушали оперу М. И. Глинки «Иван Сусанин».

Нашим учащимся, детям войны, был близок и понятен героический образ Сусанина.

— Любовь к Родине — вот главное, что мне понравилось в Сусанине, — сказал Гагарин. И это были не просто слова. В художественных произведениях, в театральных постановках Юрия всегда привлекали натуры сильные, героические, способные на подвиг.

Постепенно открывалось ситовцам сложное, дотоле неизвестное прекрасное искусство оперы.

Гагарину и другим членам литкружка очень хотелось послушать «Евгения Онегина» П. И. Чайковского, но в репертуаре театра этой оперы не было. Гагарин и Зубатов решили сходить в театр и узнать, когда включат в репертуар оперу.

Примерно через час они вернулись, огорченные. Юрий сказал:

— Как ни старались, ничего не узнали. Правда, директор театра принял нас хорошо, внимательно выслушал, но сразу разочаровал: сказал, что опера до конца сезона идти не будет. Тогда я осмелел и спросил: «А нельзя ли как исключение поставить оперу для нашего техникума? Уж очень хотят ребята ее послушать». Директор, извинившись, пояснил, что сделать это нельзя. Зато на «Пиковую даму» пригласил.

И вот мы опять в театре — слушаем творение двух гениев — А. С. Пушкина и П. И. Чайковского. Музыка, игра артистов — все пленило ребят.

Оперу Бизе «Кармен» слушал уже почти весь техникум — учащиеся четырех курсов, большинство преподавателей. В техникуме остались только дежурные и заболевшие. Нас, зрителей, волновало все: и жизненность происходящего на сцене, и драматический динамизм событий, и яркий музыкальный язык, основанный на колоритном испанском фольклоре, и виртуозное мастерство актрисы, прекрасно исполнившей роль Кармен.

Постепенно ребята пристрастились к театру, стали поклонниками сценического искусства. Мы посещали ТЮЗ, драматический театр имени Карла Маркса. Гагарин, Порожня и Стешин не пропускали ни одной постановки. Обсуждали увиденное азартно, горячо. Часто на такие диспуты приходили актеры. Ребята с интересом слушали их, иногда вступали в спор.

Зимним вечером мы репетировали пьесу Арбузова «Шестеро любимых». В актовом зале собрались только участники будущего спектакля да артист Легенский, приглашенный в качестве режиссера.

Вдруг дверь распахнулась, в зал ворвался Гагарин, выкрикивая: «Анонс! Анонс! Адмирал Нахимов! Адмирал Нахимов!»

Следом влетели шумные, раскрасневшиеся девушки. Они смеялись, говорили, перебивали друг друга, но, оглядевшись, растерялись и смущенно замолчали.

— Юра, что это значит? — спросила я.

— Простите, хотелось быстрее сообщить приятную новость...

— Это мы виноваты, а не Юра,— быстро заговорила Римма Миронычева.— Подзадорили его и сами влетели как шальные. А хотели мы сказать, что «Адмирал Нахимов» идет в театре в субботу на следующей неделе. Для нас это очень удобно. В воскресенье и уроки выучим и отдохнем.

Так уж повелось: в субботние дни большинство мест в театре заполняли наши ребята. И на этот раз пришли очень многие учащиеся и педагоги.

И вот спектакль о героических защитниках Севастополя в Крымской войне 1853—1856 годов начался. По тишине в зале чувствовалось: пьеса понравилась, захватила остротой событий.

Через несколько дней собрались обсудить спектакль. Конечно же пришли Гагарин, Порохня, Стешин. Сначала обсуждали детали постановки: мизансцены, декорации, игру актеров. Потом заговорили об идейном содержании произведения. Вспомнили о книгах, посвященных этому волнующему периоду отечественной истории: «Севастопольских рассказах» Льва Толстого, романе «Севастопольская страда» С. Сергеева-Ценского, рассказах Станюковича... Ну а кто не прочел еще этих книг, поспешил в библиотеку.

Немало впечатлений о просмотренных спектаклях, прочитанных книгах сохранилось на страницах дневника литкружковцев. Вели дневник члены совета, в состав которого входил одно время и Юрий. Он тоже оставил в нем записи:

«Вчера, 5 марта 1953 года, провели литературную викторину. Цель ее — проверить знания и интерес к русской классической литературе, привлечь к участию в ней как можно больше ребят.

Викторина выявила наш интерес к художественной литературе. Многие показали хорошие знания. За лучшие ответы ребят награждали книгами. Я получил роман Н. Островского «Как закалялась сталь». Считаю, что такие мероприятия для нас очень полезны и нужны».

«Вчера, 15 октября 1953 года, смотрели в театре Карла Маркса драму Константина Симонова «Русские люди». Перед нами проходили события Отечественной войны. Мы увидели окраину одного из южных городов, где немцы окружили небольшой отряд наших бойцов под

командованием капитана Сафонова. Здесь каждый боец свято выполняет свой долг перед Родиной. На наших глазах быстро развивались острые, драматические события. Мы видели, как простые русские люди, вынужденно сменив мирные профессии на нелегкий и опасный труд воинов, в минуты тяжких испытаний проявляют чудеса героизма и мужества, силу характера, патриотизм.

С волнением смотрели мы, как совершают подвиги шофер Валя, совсем молодая девушка, военфельдшер Глоба, майор Васин (артист Г. Сальников).

С отвращением и ненавистью видели изуверства фашистских захватчиков. Но как ни бесчинствуют, ни зверствуют розенберги, краузе, вернеры, им не покорить советский народ.

Волнующая тема и яркая игра артистов захватила нас всех. Драму смотрели на одном дыхании. Когда закончилось последнее действие, театр взорвался от аплодисментов. Артисты вышли на сцену, и мы, не отпуская их, горячо аплодировали».

Заметным событием в культурной жизни Саратова стала постановка в театре имени Карла Маркса драмы К. Тренева «Любовь Яровая». Спектакль этот пользовался у саратовцев большим успехом. Главные роли в нем играли замечательные актеры, впоследствии народные артисты СССР Сальников (Яровой), Соболева (Яровая), Муратов (комиссар Кошкин).

С нетерпением ждали мы встречи с героями драмы, с любимыми артистами. А когда эта встреча состоялась, спорам, суждениям, восторгам не было конца.

Надолго запечатлелся в моей памяти случай, который произошел с Гагариным вскоре после просмотра драмы Тренева.

После уроков я увидела на лестничной площадке красневшегося Гагарина в окружении девчат. В поднятой руке он держал книгу и умоляюще просил:

— Помилуйте, отпустите! Не могу! Нет времени! Видите, роман «Воскресение» надо срочно прочитать. Книгу ждут другие!

Но девушки не отступали.

— Нет! Пусть сначала ответит на наши вопросы! — настаивала худенькая, симпатичная Надя Тулупова.

— Юрочка, Юра! Ну пожалуйста! — просили девушки теперь уже хором.

Гагарин рассмеялся и сказал:

— Хорошо. Согласен.

Девушки, довольные победой, побежали наверх, в кабинет русского языка.

— Так о какой любви вас просят рассказать девушки? — спросила я.

— Они спросили меня, почему Яровая и Яровой, горячо любя друг друга, расстанутся? Почему Яровая не сумела переубедить мужа перейти на сторону революции? Требуют даже, чтобы я объяснил им, как сам понимаю любовь. Трудновато с ходу ответить на такой вопрос.

Взяв мел, Надя Тулупова подошла к доске, размашисто записала вопросы в том порядке, в каком они были заданы Гагарину. Затем посмотрела на него, лукаво улыбнулась и вернулась на свое место.

— Ну, Юра, теперь твое слово, — сказала серьезно.

— Итак, приступим к делу, — проговорил Гагарин. — Постараюсь ответить, если смогу, а вы, коли не согласны, спорьте, возражайте. Так будет интереснее. Вот вы спрашиваете, почему Яровая и Яровой, любя друг друга, расстанутся и почему Яровая не убедила мужа перейти на сторону революции? На это я отвечу так: любовь — большое благородное чувство. Но любовь, как я понимаю, может быть крепкой в том случае, если кроме взаимной симпатии у любящих общие интересы, цели, идеи. Если же этого нет, не может быть настоящей любви.

Юрий на мгновение остановился, посмотрел на девчат, как бы желая понять, согласны они с ним или нет.

Девушки сидели молча, но было видно, что им хотелось услышать не только о драме Ярового и Яровой, но и о любви вообще.

Юрий разгадал их желание.

— Давайте сделаем небольшое отступление. Вспомним Павку Корчагина. Он горячо полюбил Тоню Туманову, и она полюбила его, простого рабочего паренька. Но, полюбив Павла, не поняла и не приняла идеалов революции, за которые он готов был отдать жизнь. Тоне была дороже беззаботная, спокойная мещанская жизнь. Идеи Павла ей были чужды. Поняв это, Павел сумел подавить в себе чувства любви, хотя и нелегко пришлось...

— Но ведь у Яровых вначале было много общего, — перебив Юрия, возразила Женя Агапычева, румяная, застенчивая девушка.

— Да, в годы юности у Ярового и Яровой были об-

щие интересы,— согласился Гагарин.— Но позднее жизнь развела их. Яровой очутился в стане врагов. Жена его сохранила верность революции. Так вот скажите: могла ли быть между Яровой и Яровым прежняя любовь, если они стали идейными врагами?

— Конечно нет! — уверенно ответила Римма Мироничева.

— Я все-таки никак не пойму,— с досадой сказала Катя Васильева,— почему такая умная, сильная, волевая женщина не могла повлиять на мужа? Значит, любовь не всесильна?

— Да нет же,— возразил Юрий,— любовь, думаю, может быть всесильной, если любящих объединяет высшая идея. Вспомните, как сильна была любовь Ленина и Крупской.

Не успел Юрий закончить свою мысль, задали новый вопрос:

— Как ты, Юра, лично относишься к любви?

Гагарин немного смутился; помолчав, ответил:

— Скажу прямо: мое сердце пока не отдано никому. Но если уж полюблю, буду дорожить этим святым чувством.

— Правильно! Молодец! — раздался голоса.

Некоторые из вас, дорогие читатели, наверное, удивятся, как умело восемнадцатилетний юноша вел беседу, отвечал на самые каверзные вопросы. Что ж, конечно, это пришло к нему не сразу, не само собой.

Большую роль в его воспитании сыграл литературно-драматический кружок. О значении кружка хорошо написал потом В. Порохня в своей книге «Дорога на Байконур»:

«Занятия в литкружке оставили заметный след в каждом из нас, они обогатили нас знаниями многих проблем жизни, научили более правильно выражать свои мысли.

Всему миру известны находчивые и остроумные ответы Гагарина на многочисленные вопросы журналистов всех континентов. Это качество начало закладываться в нем еще в литкружке».

В середине июня 1967 года Юрий Алексеевич побывал в гостях у Михаила Александровича Шолохова в станции Вешенской. Гостем писателя был и казахский поэт Олжас Сулейменов, автор поэмы о покорителе космоса «Земля, поклонись человеку!».

Когда речь зашла о литературе, Михаил Александрович подчеркнул, что каждый писатель сам для себя решает, о чем и как ему писать, но есть неперемѐнное условие — писать надо правду. Первый советчик писателя — совесть, главный судья — народ.

— А ты, Юра, как считаешь? — неожиданно спросил он.

Юрий Алексеевич улыбнулся:

— Неудобно мне, рядовому читателю, профессиональным литераторам советовать... Признаюсь, откладываю иной раз книгу с досадой. Чувствую, что автор грешит против правды: высосан сюжет из пальца или взят с потолка; это занятие не писательское, а скорее, писарское. Такая книга — что полет без цели. Я за те книги, которые помогают людям больше видеть, глубже знать, делают их сильнее и, как знамя в бою, ведут за собой.

Михаил Александрович с ласковой усмешкой развел руками:

— Вот тебе и рядовой читатель. Отлично сказано...

Я очень радовалась, узнав, что Юрий Алексеевич своим ответом «по литературе» заслужил такую высокую оценку великого писателя. Значит, не прошли даром мои скромные уроки, оставили зарубку в душе ученика...

СТАРОСТА ФИЗИЧЕСКОГО КРУЖКА

Физику в техникуме преподавал опытный педагог Николай Иванович Москвин. Он же вел кружок любителей физики. Одним из первых и в этот кружок записался Юрий Гагарин.

Николай Иванович умел о трудном рассказать просто, интересно, стремился увлечь ребят сложным предметом, учил их мыслить аналитически.

«По многим вопросам в кружке зачастую вспыхивали споры, зачинщиком которых бывал Юра. Иногда он, чтобы доказать свою правоту, переворачивал сотни страниц научных книг, ставил опыты в пределах возможностей нашего кабинета физики.

Конечно, чаще всего правым оказывался Николай Иванович, но ему нравились любознательность, целеустремленность и упорство Гагарина, поэтому именно Юрия он рекомендовал избрать старостой нашего кружка», — пишет в книге «Дорога на Байконур» Порохня.

Однажды, войдя в кабинет физики, я увидела, что за преподавательским столом сидит Гагарин и устраняет неполадку в проекционном фонаре. Он так увлекся работой, что ничего не слышал.

— Юра, а где же Николай Иванович?

— Он сейчас придет, — ответил Гагарин и продолжил работу.

В приоткрытой двери показалась голова Николая Тезикова:

— Юра, ты опять засиделся? Пора домой! Ребята ждут.

— Сейчас приду, только дождусь Николая Ивановича.

— Смотри, а то еще найдешь себе дело.

Минуты через две Юрий поднялся, довольный:

— Ну вот и все! Что и требовалось доказать! Будет работать надежно.

— Юра, так вы еще и мастер чинить технику? — спросила я.

— Пока еще не мастер, но буду им обязательно.

Николай Иванович говорит, что индустрикам без этого никак нельзя.

Гагарин не терпел безделья, всегда отыскивал себе работу. Вот и сейчас, когда все ребята ушли в общежитие, у Юрия нашлось занятие, которое всецело поглотило его.

— Юра, вам Николай Иванович предложил исправить фонарь? — спросила я.

— Да нет, сам увидел неисправность, решил подлечить аппарат и сказал об этом Николаю Ивановичу. Он обрадовался: «Хочешь исправлять? Превосходно!» И вот, кажется, получилось. Я ведь давно увлекаюсь физикой. Пристрастился к ней еще в школе благодаря учителю Льву Николаевичу Беспалову. Физика — наука интересная. В ней все так неожиданно, а много и волшебного. Постичь бы тайны! — увлеченно продолжал Гагарин. — Знаете, Нина Васильевна, люблю и литературу, и физику с математикой. «Без знания математики не может быть физики», — часто говорит нам Николай Иванович.

— Да, да, физики без математики не бывает, — входя в кабинет, сказал Москвин. — Молодец, Гагарин, что помнишь об этом. Ну как? Все закончил?

— Полный порядок! Вот посмотрите.

Учитель подошел к столу, проверил работу. Похлопав Юрия по плечу, коротко похвалил:

— Превосходно! Теперь можешь идти домой.

Гагарин убрал приборы, инструмент, вытер стол, взял учебники и, попрощавшись, вышел из кабинета.

— Нина Васильевна, — заговорил Москвин, — оказывается, Гагарин занимается в литературно-драматическом кружке? Наш пострел везде поспел. Молодец парень! Увлеченный, напористый! Он у меня староста кружка. И, представьте, здорово справляется!

— Да, Юрой и я очень довольна. Любознательный, активный.

— Верно сказано! Любознательностью своей удивляет. И голова светлая. Хочет понять законы физики, докопаться до их глубин.

Москвин был не очень разговорчив. Но когда речь заходила о физике, менялся на глазах. На уроках говорил о ней восхищенно. При этом обязательно напоминал учащимся об огромном значении физики в быстром техническом и научном прогрессе нашей страны.

Позднее, уже после полета в космос, рассказывая о годах учебы в саратовском техникуме, Юрий Алексеевич тепло вспоминал учителя физики:

«Многие у нас с глубоким уважением относились к этому чуткому, высокообразованному человеку — Николаю Ивановичу Москвину. Физика — предмет увлекательный, но трудный. Не зная математики, разобраться в ней нелегко.

Свои лекции наш физик читал интересно, образно, увлекательно. Тем, кто не знал предмета, он беспощадно ставил двойки, а затем требовал их исправления. Николай Иванович не оставлял в покое нерадивого студента до тех пор, пока тот не усваивал того, чего не знал.

— Техник не может не знать физики, — говорил он нам, — земной шар вращается по законам физики».

Очень многие занимались в физическом кружке. В основном рассматривались вопросы из программного материала, но гораздо шире и глубже, чем на уроках. Николай Иванович знакомил учащихся и с темами, которые не входили в программу. Ребята захватывали новые смелые идеи, предвидения, открытия. Да и сама форма занятий увлекала: строились они в основном как беседа. Учащиеся выступали с докладами, ставили физические опыты. В своих воспоминаниях «Вижу Землю» Юрий Алексеевич писал: «Мы смотрели на опыты в физическом кабинете как на какое-то волшебство».

Через два дня после разговора в кабинете физики мы встретились с Юрием в комитете комсомола на расширенном заседании актива.

— А я доклад по физике делаю! — сказал Юрий. — Николай Иванович поручил. О работе русского ученого Лебедева, о световом давлении. Тема очень интересная!

— Что же, Юра, поздравляю и верю в успех!

А назавтра Гагарин пришел ко мне в кабинет:

— Нина Васильевна, извините. Я к вам с просьбой. Посмотрите, пожалуйста, конспект моего доклада.

— Юра, доклад ведь по физике. Его должен посмотреть Николай Иванович, я в этом плохо разбираюсь.

— Конечно, Николай Иванович его прочитает обязательно. Но хочется, чтобы вы обратили внимание на язык.

Мы приступили к работе. Каждое предложение перечитывали по нескольку раз, делали карандашные помет-

ки. Таких пометок оказалось немного, но Гагарин очень серьезно отнесся к ним. Когда закончили, сказал:

— Вот теперь я спокоен. Исправлю, перепишу и пойду на суд к Николаю Ивановичу. Что-то он скажет?

— Думаю, будет доволен,— ответила я.

Через два дня мы встретились снова.

— Все в порядке! — сказал Гагарин.— Доклад сделал. Понравилось ребятам, а Николай Иванович пообещал дать мне еще одну очень интересную тему — «Циолковский и его учение о ракетных двигателях и межпланетных путешествиях».

На первый взгляд казалось, что все дается Юрию просто. Но за кажущейся легкостью был кропотливый труд. Позднее, вспоминая свое первое знакомство с трудами К. Э. Циолковского, Юрий Алексеевич писал: «Лет двенадцати я, как и все ребята, зачитывался произведениями Джека Лондона, Жюль Верна, Александра Беляева... Циолковский был совсем иным писателем. Меня увлекала его прозорливость, способность предвидеть будущее с необыкновенной точностью».

Интерес к работам Циолковского зародился у Гагарина тоже в кружке. Работа его становилась день ото дня интереснее. Помню, кружковцы готовились к вечеру физики. Кроме учащихся техникума пригласили ребят из других учебных заведений, преподавателей, студентов физико-математического факультета Саратовского педагогического института.

Юрий прекрасно понимал, что выступать перед такой аудиторией — дело очень ответственное. Готовился он к докладу основательно. Посетил не одну библиотеку Саратова, прочитал множество научных и научно-фантастических книг и только после этого написал реферат.

...Дня за два до вечера вестибюль заполнила молодежь. Девушки и юноши, столпившись около стенда, читали объявление. Кто-то воскликнул:

— Ну и дает Гагарин! Опять делает доклад!

— Молодец, Юрочка! Послушаем с удовольствием! — подхватила Римма Миронычева.

— Да ведь не поймешь. Доклад-то не о любви, — заметил ей остряк-старшекурсник.

— Почему же не пойму? — удивилась Римма.— Разве интересные лекции только о любви? С удовольствием послушаю о Циолковском.

— Видите, Нина Васильевна,— сказал Гагарин,— художники наши оперативно сработали, всех оповестили о вечере.

— Молодцы, ничего не скажешь.

Из толпы старшекурсников выскочил Миша Чекунов, подбежал к Юрию.

— Вот он, виновник торжества,— прошу любить и жаловать!

Гагарин не терпел бахвальства, не хотел, чтобы его выставляли, но сделал вид, что не заметил Мишиной бесцеремонности, и сказал:

— Товарищи! Прошу всех на наш физический вечер! Тема интересная, не разочаруетесь. Приходите!

— А танцы будут? — робко спросил симпатичный первокурсник.

— Ишь чего захотел... Танцы ему подавай! Не рано ли? — усмехнулся бойкий парень.

Новичок стушевался. Сразу оценив ситуацию, Гагарин сказал решительно:

— Танцы будут обязательно. Танцевать могут все желающие. Первый курс тоже.

Мы вышли из техникума. Было тепло и тихо, дышалось привольно. Юрий неожиданно остановился и сказал:

— Хочу открыть вам один секрет — буду летчиком.

— Летчиком? — переспросила я.

— Решил окончательно,— ответил он.— Я прочитал много об авиаторах и авиации, сейчас — о двигателях и межпланетных путешествиях Циолковского. И твердо решил стать летчиком. Поступлю в аэроклуб. Окончу и его, и техникум одновременно. Но сейчас-то меня, конечно, беспокоит, как примут мой доклад. Тема необычная. Хочется, чтобы все прошло хорошо. К тому же не только докладчик, но и староста кружка. Николай Иванович так и сказал: «С тебя, Гагарин, спрос большой, чем с других».

Накануне выступления Юрия я зашла в их группу.

— А где же Гагарин? — спросила ребят.

— Где-нибудь зубрит доклад,— ответил Павел Ермолаев,— ни минуты даром не теряет.

— Учит, а не зубрит,— поправил товарища Алексей Котов, худощавый, высокий паренек.— Гагарин не способен зубрить.

Алексей точно подметил, что Гагарин не зубрит. Главное для него — вникнуть в суть вопроса.

В день выступления Юрий показал тетрадь, на которой Москвин поставил свою подпись. Это значило, что Николай Иванович одобрил доклад.

Подошел и сам учитель. Он был в новом форменном костюме, который надевал только в праздничные, торжественные дни. На кителе — значок «Отличник народного просвещения». Николай Иванович держался бодро, на лице его выступил румянец.

— Я думаю,— сказал он,— что доклад получился интересный. Не удивительно: работал много, упорно. Ни одной консультации не пропустил, ни одного вопроса не оставил невыясненным. И, представьте, каждый раз приходил с новыми, более смелыми, сложными, острыми идеями! О чем только не спрашивал! Кто из ученых работает над созданием межпланетных космических кораблей? Каким я представляю первый корабль? Западные или наши, советские ученые, создадут первый корабль? Если советские, то почему? Кто будет управлять первым кораблем: инженер, ученый или летчик? Как скоро может осуществиться полет человека в космос?

В ту пору, когда Юра задавал своему педагогу вопросы о будущих космических полетах, он уже мысленно представлял гул реактивных самолетов, видел контуры чудо-кораблей, помнил слова Циолковского, писавшего, что «человечество не останется вечно на Земле, но в погоне за светом и пространством, сначала робко проникнет за пределы атмосферы, а затем завоюет себе все околосолнечное пространство». Ни Юрий, ни его учитель не предполагали, как скоро мечта эта станет реальностью. Они не могли еще знать, что первый в мире космический корабль будет создан в Советском Союзе уже в 1961 году, что космическим кораблем этим будет управлять Юрий Алексеевич Гагарин.

Именно знакомство с работами ученого-мечтателя определило место Гагарина в жизни. «Циолковский перевернул мне всю душу»,— писал позднее Гагарин. Пожалуй, именно с доклада о Циолковском и началась его «космическая» биография. В литейщике родился летчик...

Тот вечер надолго запомнился Юрию.

Медленно поднялся занавес. Москвин предоставил слово Гагарину. И хотя разговор шел о предмете сугубо

научном, Юрий к месту и в меру употреблял афоризмы и пословицы.

Один из слушателей шепнул соседу: «Вот это доклад! Исключительный! Ты посмотри, говорит почти без контекста!»

Заканчивая выступление, Юрий сказал:

— Наша страна стоит на пороге бурного развития космической науки, на пороге осуществления мечты Константина Эдуардовича Циолковского. И я не сомневаюсь, что наше поколение может быть свидетелем и участником рейсов на космических кораблях.

Последние слова его потонули в аплодисментах.

Как правильно, как точно сказал тогда Гагарин!

Остались позади долгие, напряженные дни неустанного труда. Завершилась увлекательная работа. Для Гагарина доклад стал своего рода экзаменом на зрелость, который он успешно выдержал.

Немного смущенный, взволнованный, стоял он в окружении товарищей и педагогов.

— Молодец, Юра! — поздравляли друзья.

— И тема увлекательная, и доклад прекрасный, — отмечал преподаватель электротехники В. М. Антопольский.

— Порадовал, очень порадовал меня! — взволнованно говорил Н. И. Москвин, похлопывая ученика по плечу.

После вечера мы встретились с Москвиным по пути в техникум. Он шагал быстро, видимо, спешил на урок.

— Каков Гагарин! Доклад-то о Циолковском как превосходно сделал?! Всех удивил. Толковый парень!

Такую оценку редко кто заслуживал у Москвина...

За добросовестность, инициативу Николай Иванович представил Гагарина к поощрению. Вот что написал он в докладной на имя директора техникума:

«Учащийся группы Л-12 Ю. Гагарин в течение 1951/52 — 1952/53 учебных годов состоял председателем физического кружка, за два года сделал три доклада, с большим знанием организовывал занятия кружка. По собственной инициативе сделал электропроводку к проекционному фонарю, обучал членов кружка правилам пользования проекционным фонарем и эпидиаскопом.

Прошу вынести от лица дирекции благодарность Ю. Гагарину с занесением в личное дело.

Н. Москвин. 15.06.53 г.»

Кто бы в те годы ни встречался с Юрой Гагариным — на уроках ли, на собраниях, в общезитии или в комитете комсомола, на субботнике или в период подготовки к докладу,—никогда не замечал на его лице усталости, уныния, озабоченности. Он всегда был жизнерадостным, энергичным. А ведь в то время ему приходилось выполнять серьезные учебные задания, общественные и комсомольские поручения. Добрая, светлая улыбка озаряла его лицо. Выразительные серые глаза светились теплым огоньком. Воистину: его открытый, счастливый взгляд был зеркалом души.

В своих первых воспоминаниях о сыне Анна Тимофеевна с волнением говорила:

— Да вы посмотрите на Юрины фотографии. Лицо у него всюду счастливое. Этим он и приметен.

Таким Юрий Алексеевич запомнился нам на всю жизнь. Таким, уже будучи космонавтом, запомнился людям всей планеты. Недаром многоопытный западный журналист вскоре после полета Гагарина в космос писал: «Хитрые русские. Знали, кого послать в космос. Гагарин покори́л мир своей улыбкой».

«Не только улыбкой,— добавим мы.— Покорил оптимизмом, душевной распахнутостью, удивительной любовью к людям».

КОМСОМОЛЬСКИЙ ВОЖАК

В литкружке была группа начинающих молодых поэтов, они упорно учились работать над словом, пробовали написать, о чем думают, мечтают, что их волнует. Стихи обсуждали на групповом семинаре, лучшие помещали в альбом. Гагарин всегда с удовольствием читал стихи товарищей. Помню, прочитал стихотворение Саши Шевченко, посвященное матери, и похвалил:

— Отлично написано! Конечно, я неважный специалист по части стихов, но мне они очень нравятся. Если бы у меня был поэтический дар, я бы написал о маме, о товарищах. Но, увы, мне это не дано.

— Не огорчайтесь, Юра,— сказала я,— не всем быть поэтами. У вас много других замечательных качеств. Вы, например, любите науку.

— Я и к науке тянусь, и поэзию люблю. Но стихи мне не даются, слова рассыпаются, как спички.

— Значит, вы уже пробовали писать?

— Пробовал.

Проверяя очередную стопку тетрадей с контрольной работой по литературе, я обратила внимание на четверостишие в сочинении Гагарина:

Комсомол — моя светлая юность.
Комсомол — моя совесть и честь,
Потому что в нем вечная юность
И святое горение есть.

Обычно Юра указывал автора, а эти строчки оставил безымянными. Я написала на полях: «Кто автор?»

Наутро в кабинет заглянул Гагарин, поинтересовался, как написал сочинение. Отлично, говорю, тему раскрыл глубоко. Ошибок нет, кроме небольшой оплошности.

Достав сочинение, я показала на четверостишие. Юрий смутился.

— Значит, это ваше? Молодец! — сказала я, подбадривая Юрия.

— Какой там молодец! Над четырьмя строчками голову ломал целую неделю.

- Но получилось же!
- Получилось со скрипом, а дальше ходу нет.
- Ничего, Юра, когда-нибудь получится.

Немного помолчав, он сказал:

— Я прошу вас об одном: не говорите ребятам о моем упражнении. Будут подшучивать. О комсомоле надо писать, как Маяковский, Светлов, а у меня...

— Конечно, до Маяковского и Светлова вам, Юра, очень далеко, но для первого раза совсем неплохо.

— Спасибо, и все-таки, пожалуйста, не говорите ребятам.

В те годы в нашем техникуме была очень сильная комсомольская организация. Комсомольцев интересовало все: хозяйственные, учебные, общественные дела.

Детство этих ребят было омрачено войной. Теперь, в мирное время, они стремились наверстать упущенное. По инициативе комитета ВЛКСМ организовывались воскресники и субботники. Комсомольцы озеленяли улицы родного города — Пушкинскую, Мичурина, Сакко и Ванцетти, помогали создавать зеленое кольцо вокруг Саратова. Учащиеся отлили ограды для общежития техникума и городских парков, отремонтировали учебные кабинеты и производственные мастерские, расширили литейный цех; для показа своих любительских спектаклей оборудовали сцену и смонтировали декорации. Директор техникума С. И. Родионов и заместитель директора по воспитательной части В. Г. Холодный не раз благодарили своих питомцев за отличную работу.

Но все же главной заботой комсомольцев оставалась борьба за высокую успеваемость. И тут они добивались хороших результатов. Во всех отделениях были группы, где комсомольцы учились только на «четыре» и «пять».

Совсем не случайно Гагарин написал: «Комсомол — моя совесть и честь». Горячо брался он за любое порученное дело. А когда его избрали в комитет комсомола, почувствовал еще большую ответственность.

Собрание, на котором избирали членов комитета комсомола, проходило по-деловому. Выдвигая кандидатуру, каждого характеризовали.

О Гагарине рассказали Виктор Порохня и Евгений Шешин, которые особенно хорошо знали его.

— Много говорить не буду, скажу только одно: Гагарин — подходящий и достойный член комитета комсо-

мола. Хороший товарищ, учится отлично, обладает организаторскими способностями,— заключил Шикин.

Поздравляя Юру с избранием в комитет ВЛКСМ, я пожелала ему работать с огоньком. Зная, какая серьезная ответственность легла на него, не удержалась от вопроса:

— Юра, а как же теперь с литкружком?

— Не беспокойтесь, Нина Васильевна, кружок не оставлю.

Казалось, он сам искал себе новые нагрузки. В комитете комсомола отвечал сначала за учебную работу, а потом и за спортивную.

Наш физрук Геннадий Георгиевич Соколов правильно оценил Юрины возможности. Он поручал Гагарину проводить массовые спортивные мероприятия, решал с ним организационные вопросы...

Избрали Юрия секретарем совета добровольного спортивного общества «Трудовые резервы» техникума, и тут он работал инициативно, азартно, с выдумкой.

А скольких ребят вовлек Юрий в спортивные секции! Он беседовал с каждым, выступал на комсомольских собраниях. Говорил очень конкретно, не отвлекался по пустякам. Запомнилось, как убеждал он товарищей заниматься спортом. Сначала перечислил секции, в которых могут заниматься учащиеся; сказал, что его, например, больше привлекает баскетбол, но любит он и легкую атлетику.

— Думаю, каждый должен сам определить, где ему интересно заниматься,— сказал Юрий.

— А во все секции сразу можно записаться? — пошутил юркий, веселый паренек.

Гагарин посмотрел на него и серьезно ответил:

— В твоём распоряжении двадцать четыре часа в сутки. Вот и рассчитай, что получится.

Ребята рассмеялись. Окружив комсорга, они записывались в секцию, которая им понравилась. Спустя немного времени список был готов.

— Вот это по-комсомольски! Здорово, ребята! Поработали оперативно,— обрадовался Гагарин.— Только запомните: условия строгие. Без уважительных причин занятия не пропускать.

Приближались зачеты, а в классном журнале кое у кого из группы Л-22 появились двойки. Надо было серьезно поговорить с отстающими. На собрание пригласили

Гагарина. Выслушав комсомольцев, критиковавших двоечников, Юрий сказал:

— Ребята, вы правильно пропесочили здесь отстающих. В самом деле: все мы взрослые, сознательные парни. Всё, кажется, есть: сыты, обуты, одеты. Учиться бы да радоваться. Но кое-кто ленится, не понимает, как это важно — заниматься на совесть.

Юрий посмотрел на Гаврилина, и тот опустил глаза.

— Что тебе мешает учиться без двоек?

— Мне часто приходится выезжать на соревнования,— ответил Николай.

— Спорт не может быть помехой в учебе. Все зависит от собственной организованности. Все наши известные спортсмены хорошо учатся. Так что тебе, Николай, не пристало плестись в хвосте. Срамишь и себя, и всю комсомольскую организацию. Если трудно, скажи, тебе помогут преподаватели, ребята. Если надо — я помогу. Но и сам не плошай. Встряхнись, поработай. Уверен, что ты избавишься от двоек.

— Ладно, ребята, хватит, все понял. Подтянусь по всем предметам,— пообещал пунцовый от стыда Гаврилин.

Слово свое парень сдержал.

В назначенное время отчитались перед преподавателями и другие отстающие.

Узнав об этом, Юрий радовался:

— Лед тронулся! Наша взяла! Двоек больше нет!

Не напрасными оказались старания Юры, он и здесь добился своего.

Был у нас в техникуме актовый зал — светлый, просторный. Там проводились комсомольские собрания, линейки, вечера художественной самодеятельности, конференции, диспуты, выпускникам вручались дипломы. Здесь же ребята слушали научные лекции. В пятидесятые годы начиналась новая, космическая эра. Лекторы рассказывали о первых спутниках Земли, запущенных в нашей стране, размышляли о близком полете человека в космос.

После каждой лекции возникало много вопросов. Но больше всего волновал один: кто полетит в космос? И когда однажды вопрос этот задали лектору, кто-то из зала неожиданно крикнул: «В космос полетит наш индустрик!» Все засмеялись, захолопали. Но никто и не предполагал, что первым в космос полетит Гагарин.

...Помнится, Юрий учился на четвертом курсе. В то время он загорелся мечтой — стать летчиком. «Именно с Саратовом связано появление у меня болезни, которой нет в медицине, — неудержимой тяги в небо, тяги к полетам», — напишет позднее Юрий Алексеевич.

В октябре 1954 года мечта Гагарина сбылась: он был зачислен в Саратовский аэроклуб на отделение пилотов. Днем занимался в техникуме, готовился к защите дипломного проекта, вечером в аэроклубе изучал теорию, слушал лекции по самолетовождению, осваивал материальную часть, упорно готовясь к летним тренировочным полетам.

Первыми наставниками Гагарина в летном деле стали командир звена Герой Советского Союза С. И. Сафонов и летчик-инструктор Д. П. Мартынов.

«Я счастлив, — вспоминал Гагарин, — что свой путь в космос начал с Саратовского аэроклуба. Умелые и заботливые учителя привили мне любовь к авиации. Они помогли мне найти свое призвание».

Окончив в июне 1955 года техникум и получив диплом с отличием, Гагарин полностью посвятил себя авиации.

В конце месяца я встретила Юрия на улице. Загоревший, похудевший, он шел навстречу мне улыбаясь. Поздоровался, рассказал о занятиях в аэроклубе, о том, что скоро должен самостоятельно подняться в воздух.

— Представляете, какое это счастье — взяться за штурвал и самому поднять самолет в небо! В первом же полете помашу вам рукой с высоты, — пошутил на прощание Юра.

Вскоре, в июльский день, курсант Гагарин впервые самостоятельно поднялся в небо на учебном самолете Як-18. Об этом 3 июля сообщила саратовская молодежная газета, поместив заметку о полете Юрия и его портрет.

Осенью 1955 года курсант Гагарин блестяще сдал все выпускные экзамены в аэроклубе и получил направление в Оренбургское авиационное училище.

Перед отъездом в Оренбург Гагарин побывал в техникуме, встретился с преподавателями и ребятами.

Когда мы остались одни, Юрий, заметно волнуясь, сказал:

— До свидания. Всего вам доброго в жизни. Извините, если что было не так. Спасибо за науку.

— До свидания, счастливого пути. Не забывайте о книгах, помните техникум, — напутствовала я.

— Книги, Нина Васильевна, мои друзья и учителя, всегда будут со мной. А техникум — мой второй дом. Он бесконечно дорог мне. Не забуду его никогда.

Спустя пять лет он вновь посетил родной техникум. Ему хотелось увидеть педагогов, но многие были в отпуске, и Юрий очень жалел об этом.

Узнав, что Семен Николаевич Романцов, заместитель директора по производственной части, в техникуме, обрадовался и пошел к нему. После Романцов рассказывал, что Гагарин с интересом расспрашивал о делах СИТа, о педагогах и мастерах.

...День 12 апреля 1961 года был по-весеннему теплым, солнечным.

Педагоги сидели в учительской, проверяя тетради, просматривая учебные планы. Кто-то включил радиоприемник. И вдруг из репродуктора послышался голос диктора.

— Говорит Москва! Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза! Передаем сообщение ТАСС «О первом в мире полете человека в космос».

12 апреля 1961 года в Советском Союзе выведен на орбиту вокруг Земли первый в мире космический корабль-спутник «Восток» с человеком на борту.

Пилотом-космонавтом космического корабля-спутника «Восток» является гражданин Союза Советских Социалистических Республик летчик майор Гагарин Юрий Алексеевич...

С замиранием сердца слушали мы это сообщение. И только когда были произнесены последние слова: «Гагарин Юрий Алексеевич», — пришли в себя. Послышались возбужденные голоса:

— Это наш Юрий Гагарин! Ура Гагарину!

Нина Тимофеевна Кудряшова быстренько отыскала в архиве личное дело Гагарина и, заглянув в него, радостно воскликнула:

— Все сходится! Это он, наш Юра!

— А может, совпадение? — усомнился кто-то.

Но в это время стали передавать биографию Гагарина, и сомнения исчезли.

Радостные, взволнованные, вышли в коридор и поспешили к директору. Перебивая друг друга, сообщили Сергею Ивановичу потрясающую всех новость: «Наш Гагарин в космосе!» Сергей Иванович недоверчиво посмотрел на нас: «Не может быть!»

В это время зазвонил телефон, директор взял трубку. Из обкома КПСС поздравляли коллектив техникума с величайшим событием — полетом в космос нашего воспитанника Юрия Гагарина.

— Прошу собрать всех учащихся! — сказал секретарю Сергей Иванович.

Наш скромный техникум на тихой улице Сакко и Ванцетти еще никогда не видел такого. Всюду слышались приветствия, поздравления. Летели вверх шапки, все обнимались, целовались... Стоя у репродукторов, мы вновь и вновь слушали сообщение ТАСС.

В актовом зале состоялся торжественный митинг, посвященный первому покорителю космоса.

А спустя несколько дней литейщики провели скоростную плавку в честь легендарного полета.

Литературно-драматический кружок избрал первого космонавта своим почетным членом и выпустил специ-

альный журнал со стихами, прославляющими Ю. А. Гагарина.

Мы послали Юрию Алексеевичу письмо, которое начали стихами, опубликованными в «Правде».

«Здравствуй, славный Герой
Всех эпох и времен!
Ты прославил наш стяг
на века!
Ты опять на земле,
Твой полет завершен.
Мир услышал твой рапорт
ЦК!

Мы, преподаватели, мастера и учащиеся Саратовского индустриально-педагогического техникума, горячо, от всего сердца, поздравляем тебя с беспрецедентным в истории человечества героическим подвигом, совершенным тобой во имя нашей любимой Родины, во имя мира на земле.

День 12 апреля 1961 года войдет в историю как триумф советской науки. Мы гордимся тобой, наш дорогой Герой, наш воспитанник, друг и товарищ, наш Юра!

Твой подвиг — подвиг всего нашего народа, ученых, создавших первый в истории человечества космический корабль.

Мы гордимся тем, что таким тебя воспитал комсомол, наша славная ленинская Коммунистическая партия, что частичку труда в твоё воспитание вложили мы, педагоги и мастера».

Мы пожелали Юрию Алексеевичу здоровья, большого счастья и пригласили приехать к нам в гости в техникум. Завершалось письмо, как и началось, стихами — самодельного поэта Н. Кононова:

Сбылась мечта

Сбылась мечта, рожденная веками.
Над миром голос радости звенит:
«Товарищи, друзья, сейчас над нами
Впервые в космос человек летит!

И стало в космосе тесней немного
Средь звездной бесконечности глубин.
Одним из первых проложил дорогу
Советского Союза гражданин!

И в нашу звонкую, я это вижу,
Прославленную летопись стократ

Тисненъем золотым навечно впишут:
«Гагарин Юрий — первый космонавт!»

Вскоре мы получили ответ:

«Здравствуйте, дорогие друзья! Получил ваше письмо, очень ему рад, большое вам за него спасибо.

Большое спасибо за поздравление.

Разрешите и мне поздравить вас с первым полетом человека в космос. Ведь в этом есть частица и вашего труда. Большое спасибо Николаю Кононову, написавшему стихи.

Очень хочется побывать у вас — старых друзей, — но этого пока сделать не могу. При первой же возможности постараюсь побывать у вас. Сейчас, очевидно, идет сессия. Хочется пожелать студентам хорошо сдать экзамены, а педагогам — успехов в их нелегком труде и хорошего отдыха во время каникул.

До свидания. С горячим приветом, Гагарин. 26.06.61 г.»

Волнуясь, читал Сергей Иванович коллективу техникума письмо Юрия Алексеевича. Преподаватели, мастера и учащиеся слушали его с большим вниманием, потому многие поделились своими чувствами.

Тут же решили создать фотоальбом о жизни Гагарина, формировании его характера. Фотографии нашлись у преподавателей, у товарищей Юрия по учебе — в их группе многие были фотолюбителями.

К сожалению, такого альбома, как нам хотелось, в магазинах не оказалось. Выручили работники типографии.

— Значит, хотите посвятить альбом первому космонавту? — спросил мастер, когда мы рассказали о своей просьбе. — Не волнуйтесь, сделаем то, что нужно!

И правда, альбом получился превосходный. Ребята сразу взялись за дело. Полтора месяца они каждый день после уроков отбирали материал. Особенно много потрудились фотографы и художники И. Биктагиров, И. Тишунин и другие. Уже в июне работу над альбомом закончили. Директор техникума посоветовал выставить его в специальной комнате, чтобы с фотографиями могли ознакомиться все желающие.

Неожиданно для нас альбом взяли для демонстрации в Дом культуры профтехобразования, а затем на Выставку достижений народного хозяйства СССР. Юрий Алексеевич побывал на ВДНХ, с интересом просмотрел альбом и высоко оценил его.

Мы, едва узнав, что альбом отправят в Москву, решили оформить еще один, точно такой же. Теперь уже всё делали быстрее: помог опыт. Спустя несколько дней альбом был готов.

Позднее нам вернули из Москвы и первый альбом, который был удостоен диплома ВДНХ. Постановлением комитета совета выставки меня наградили бронзовой медалью, ценные подарки вручили Марии Константиновне Юрьевой, ребятам, участвовавшим в создании альбома.

Второй наш альбом решением дирекции и совета литкружка был передан в дар музею К. Э. Циолковского в городе Калуге.

С каждым днем в техникум приходило все больше экскурсантов, и мы задумали создать комнату-музей Ю. А. Гагарина.

При поддержке директора техникума, комитета комсомола Н. Шляхов, А. Преображенский, Н. Кононов, И. Тишунин, И. Биктагиров и другие начали это сложное дело. В Гагаринской комнате перекрасили стены, крупными буквами написали: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью»; ниже расположили стенды с фотографиями Юрия Алексеевича Гагарина, Константина Эдуардовича Циолковского, а на противоположной стене был изображен корабль «Восток», совершающий полет вокруг земного шара. Напротив входа поместили портрет покорителя космоса, а на специальном постаменте, изготовленном ребятами,— бюст Юрия Алексеевича.

Почетное место среди экспонатов занимали дипломированный альбом и журнал со стихами. Теперь комната и в самом деле напоминала музей. Но все мы понимали: многое еще предстоит сделать.

Позднее экспозиция заняла две просторные комнаты на третьем этаже и стала филиалом Саратовского краеведческого музея. Преподаватель истории В. И. Россюханский возглавил наш музей. Вскоре ему присвоили звание «народный».

А пока мы, как могли, устраивали свой музей. Экспозицию пополнили новыми фотографиями и другими документами. Станислав Шаврак оригинально, с выдумкой оформил помещение.

Нам всем очень хотелось, чтобы в музее техникума побывал Юрий Алексеевич. И мечта наша сбылась.

В январе 1965 года техникуму исполнялось двадцать лет. Решили пригласить на торжество и Гагарина. Для

этого мы с Анной Павловной Акуловой поехали к Юрию Алексеевичу в Звездный.

Подходили к дому, где жил Юрий Гагарин, волнуясь. Ведь он теперь не учащийся техникума, а прославленный герой, покоритель космоса.

Невольно думалось: какой Гагарин сейчас? Простой, сердечный, добрый, каким был, или изменился? Как его называть? Юрий? Вроде неудобно. А как же? Договорились называть Юрием Алексеевичем.

Дверь нам открыла сестра жены Юрия — Валентины Ивановны, пригласила в комнату и попросила подождать: Юрия Алексеевича не оказалось дома, но он скоро должен был прийти.

И точно: ждать пришлось недолго. Дверь распахнулась, и в переднюю быстро вошел Юрий Алексеевич. Широкоплечий, коренастый, он заметно возмужал, но остался веселым и жизнерадостным, как и прежде. Увидев нас, сердечно поздоровался.

— Рад видеть вас у себя дома! Жаль только, что Вали нет. Ну да ничего.

Быстро покрыл стол скатертью, принес угощение и, улыбаясь, пригласил выпить чаю.

Перед нами был все тот же чудесный Юра.

Много вспоминали о техникуме, о педагогах, у которых учился Гагарин, о его товарищах по учебе. Мы попросили Юрия Алексеевича рассказать о полете в космос. Он сразу же согласился и пригласил в свой кабинет.

Гагарин рассказывал просто, спокойно, будто ничего особенного и не совершил, словно выполнял обычную работу.

— Юрий Алексеевич, испытывали вы чувство страха? — спросили мы.

— Конечно, — ответил он. — Вы, наверное, думали, что я скажу «нет»?

— Честно говоря, да.

— Напрасно. Чувство страха испытывает каждый человек. Но сложная ситуация заставила меня побороть страх, я держал себя в кулаке и думал только об одном: как можно лучше выполнить задание.

— А снова полетите?

— Обязательно. Не сидеть же мне теперь сложа руки под стеклянным колпаком. Готов лететь хоть сейчас. Трудно передать ощущения, когда паришь в про-

сторах космоса, видишь издалека нашу прекрасную Землю. Дух захватывает от этого зрелища!

Слушая Юрия Алексеевича, я невольно вспомнила его доклад в техникуме, когда он говорил о смелом соколе, вспомнила горьковские слова, которые так любил Юрий: «Безумству храбрых поем мы славу! Безумство храбрых — вот мудрость жизни!» Приятно было сознавать, что горьковский девиз, горьковский идеал гордых и смелых по-прежнему жил в сердце нашего питомца.

Врачая глобус, Юрий Алексеевич задумчиво говорил:

— Уверен, что тот, кто однажды побывал в космосе, не откажется от него. Космос влечет к себе человека. А тайны вселенной человек должен разгадать. Вот и я хочу этого.

— Юрий Алексеевич,— сказала я,— разрешите по поручению коллектива пригласить вас и Валентину Ивановну на двадцатилетие техникума. Будем очень рады видеть вас в СИТе пятого января. И еще просьба: в техникуме по инициативе литкружка и комсомольской организации создана комната-музей вашего имени. Не могли бы вы подарить что-нибудь?

— Я видел ваш альбом на ВДНХ,— сказал Юрий Алексеевич,— он мне очень понравился. И где вы столько фотографий нашли? Чудесные снимки. Так вы просите подарить что-нибудь для музея? — задумался Гагарин.— Наверное, подойдет вот эта фотография.

Он вынул большой цветной портрет, подписал. Мы с Анной Павловной впервые увидели такой. Теперь этот портрет — среди самых ценных экспонатов музея.

Юрий Алексеевич взял небольшие фотографии и два экземпляра своей книги «Дорога в космос», надписал их на память и вручил нам.

Поблагодарив Юрия Алексеевича, мы на прощание попросили сфотографироваться вместе с нами.

Теперь эти фотографии стали достоянием истории, и мы ими безмерно дорожим. Я храню их вместе с подарками Юрия Алексеевича, его матери Анны Тимофеевны, подарками космонавтов и другими реликвиями...

Прощаясь с Юрием Алексеевичем, мы взяли с него слово, что он обязательно приедет в Саратов в январе 1965 года на празднование двадцатилетия техникума.

Техникум готовился к приезду Гагарина как к особому празднику. Ребята приводили в порядок свои костюмы, до блеска натирали полы в учебных аудиториях, в общежитии. С необыкновенным рвением работали они в Гагаринской комнате, оформляли стенды, витрины, готовили новую экспозицию.

Наступил долгожданный день. С самого утра все готовилось к встрече дорогого гостя. Но от Юрия Алексеевича не было никакого сообщения. Директор заметно волновался.

— Скажите,— обратился он ко мне,— Юрий Алексеевич твердо обещал приехать?

— Конечно, Сергей Иванович,— ответила я.— Он дал слово, что будет обязательно.

— Значит, надо ждать.

В это время по телефону сообщили, что через два часа Гагарин будет в Саратове. Улица Сакко и Ванцетти была запружена народом, ожидавшим героя. И когда из машины вышел Юрий Алексеевич с женой, раздались восторженные возгласы: «Ура Гагарину! Гагарину слава!»

Юрий Алексеевич и Валентина Ивановна вошли в вестибюль. Гагарин на минуту остановился, встал по стойке «смирно», взял руку под козырек и принял рапорт от учащегося-дежурного. А после сказал:

— Вот я и в техникуме. Обещание, как видите, сдержал.— Он повернулся ко мне.— Книжки, Нина Васильевна, читаю, как вы рекомендовали. Спрашивайте. Могу отвечать.

Поднимаясь по лестнице, Гагарин все время шутил, вспоминал, как в годы учебы бегал по несколько раз в день по этим ступенькам из аудитории в аудиторию.

Вошли в Гагаринскую комнату, и я рассказала, как возникла идея создания музея, как литкружковцы и комсомольцы помогали собирать материал, оформлять альбомы и стенды.

Юрий Алексеевич улыбнулся очень мягко, светло и поблагодарил:

— Спасибо всем, кто участвовал в этой работе.

Мы попросили Гагарина оставить запись в книге отзывов. Вот что он написал:

«Я в родном, дорогом моему сердцу СИТе. Здесь прошли мои лучшие годы, моя комсомольская юность. Отсюда я вступал в большую жизнь, полную событий, тревог и радостей... С большим волнением осматривал

я комнату-музей. Альбом с фотографиями, побывавший на ВДНХ, стенды, экспонаты — все живо напомнило мне о славных, незабываемых годах учебы в техникуме, воскресило в памяти близкое и дорогое...

Сердечное спасибо директору техникума С. И. Родионову, преподавателям Н. В. Рузановой, В. И. Россосанскому, учащимся И. Биктагирову, С. Шавраку, всем комсомольцам, принимавшим участие в создании и оформлении музея.

Ю. Гагарин. 6 января 1965 года».

А потом в актовом зале состоялась встреча Юрия Алексеевича с учащимися и сотрудниками техникума. Космонавт рассказал о себе, о своем полете, призвал ребят быть верными традициям ситовцев — отлично учиться, трудиться на совесть.

На следующий день в Саратовском театре оперы и балета отмечалось двадцатилетие нашего техникума. Со всех концов страны на праздник съехались гости.

Конечно, с нетерпением ждали выступления Гагарина. Речь его была короткой, но волнующей, яркой. Он нашел добрые слова и для педагогов, и для своих друзей-ситовцев, и для тех, кто пришел в техникум всего полгода назад.

После торжественной части состоялась встреча с Юрием Алексеевичем в уютном особняке на Волжской улице в кругу педагогов и товарищей по учебе. Обстановка была задушевная, почти домашняя. Гагарин шутил, смеялся, фотографировался со всеми, приглашал нас к себе в гости, отвечал на многочисленные вопросы.

— Юрий Алексеевич,— спросила я,— а как ваше стихотворчество? Пробовали еще писать?

— Откровенно, нет, не пробовал. Совсем нет времени. А книги люблю. Устаю очень, а вот за книгой отдыхаю. Читаю и поэзию, и прозу, техническую и научную литературу. В общем, заядлый книголюб.

У Юрия Алексеевича было много интересных встреч с дорогими ему сердцу саратовцами. Всюду его принимали как самого желанного гостя.

...А через три года всех нас потрясло сообщение о том, что при выполнении тренировочного полета трагически погиб первый в мире покоритель космоса, прославленный летчик-космонавт СССР, член КПСС, депутат Верховного Совета СССР, Герой Советского Союза полковник Юрий Алексеевич Гагарин... Наш Юра.

Городку космонавтов — Звездному немногим больше двадцати пяти лет. Здесь жил и трудился первый космонавт Юрий Алексеевич Гагарин. Здесь дело, начатое им, продолжают его последователи. Быстротечно время: казалось бы, совсем недавно прозвучало знаменитое гагаринское «Поехали!», а на околоземных орбитах побывало уже несколько десятков выпускников космической академии. Ныне Звездный стал центром международным.

Звездный городок... В самом этом названии удивительно притягательная сила. Помнится, после гибели Юрия Гагарина я несколько раз пыталась приехать сюда, в знаменитый уголок Подмосковья, чтобы еще раз увидеть то, что окружало Гагарина. Болезнь мешала это сделать, но потом наконец я собралась в путь.

...С волнением ступаю по асфальтированной дорожке к центру городка, где воздвигнут памятник первому космонавту. Шагаю, а перед глазами словно живой Юрий, с его неповторимой открытой улыбкой, ясным, прямым взглядом.

Неожиданно останавливаюсь, пораженная величественным памятником. Юрий смотрит на меня с высоты. «Ну, здравствуй!» — невольно вырывается у меня. Вспоминаю в лицо Гагарина. Металл недвижим, и нет в нем гагаринского тепла...

Идут и идут экскурсанты. К подножию памятника ложатся цветы как дань уважения и благодарности человеку, совершившему легендарный подвиг во имя человечества.

От памятника начинают свой путь к старту покорители космоса, сюда приходят они после полетов. Такова традиция.

Музей Звездного. Я оказываюсь в нем вместе с группой учащихся и педагогов из Калуги, где жил и трудился К. Э. Циолковский. В музее многое напоминает о Юрии Гагарине. Спускаемый «шарик» легендарного «Востока», голубой костюм его капитана, пятигранный

знак «Летчик-космонавт СССР» с порядковым номером «1» на оборотной стороне, служебное удостоверение, пропуск с грифом «Проход везде», настольный календарь, раскрытый на 27 марта 1968 года, и часы, показывающие 10.31. Время, когда перестало биться сердце первопроходца Вселенной. В Звездном оставлен на вечное хранение партийный билет № 08909627—билет члена КПСС Ю. А. Гагарина.

Среди экспонатов — подарок чехословацких металлургов — скульптура сталевара с ковшом в руках. Этим подарком Юрий Алексеевич особенно дорожил. Ведь он сам готовился стать литейщиком.

У выхода из комнаты Гагарина останавливаюсь, чтобы еще раз взглянуть на шинель, в которой видела его последний раз в Саратове. Так захотелось представить его опять живым, веселым, жизнерадостным... Одно утешает: Юрий Алексеевич живет в сердцах людей.

А 12 апреля 1981 года я снова пережила волнующие минуты — получила в подарок красочно оформленную книгу «Космонавты СССР» с подписями авторов: В. А. Шаталова и М. Ф. Реброва, а также Г. С. Титова, В. Ф. Быковского, Е. В. Хрунова, В. Н. Кубасова, В. В. Горбатко, О. Г. Макарова, А. А. Губарева, Г. М. Гречко. Бережно храню этот дорогой подарок. Он, как и многие другие, напоминает мне о Юрии Гагарине, человеке, который первым поднялся в космос, который, по словам С. П. Королева, был настоящим русским парнем — честным, открытым, смелым и талантливым, дорожившим своим добрым именем и очень любившим людей.

10 к.

СОДЕРЖАНИЕ

В. Ш а т а л о в . Слово к читателю	3
«Есть, бороться за мечту!»	11
Саратовский индустриально-педагогический	13
Первые уроки	18
Собрание	23
В литературно-драматическом кружке	27
Староста физического кружка	41
Комсомольский вожак	49
«Ура Гагарину!»	53
Звездный	63